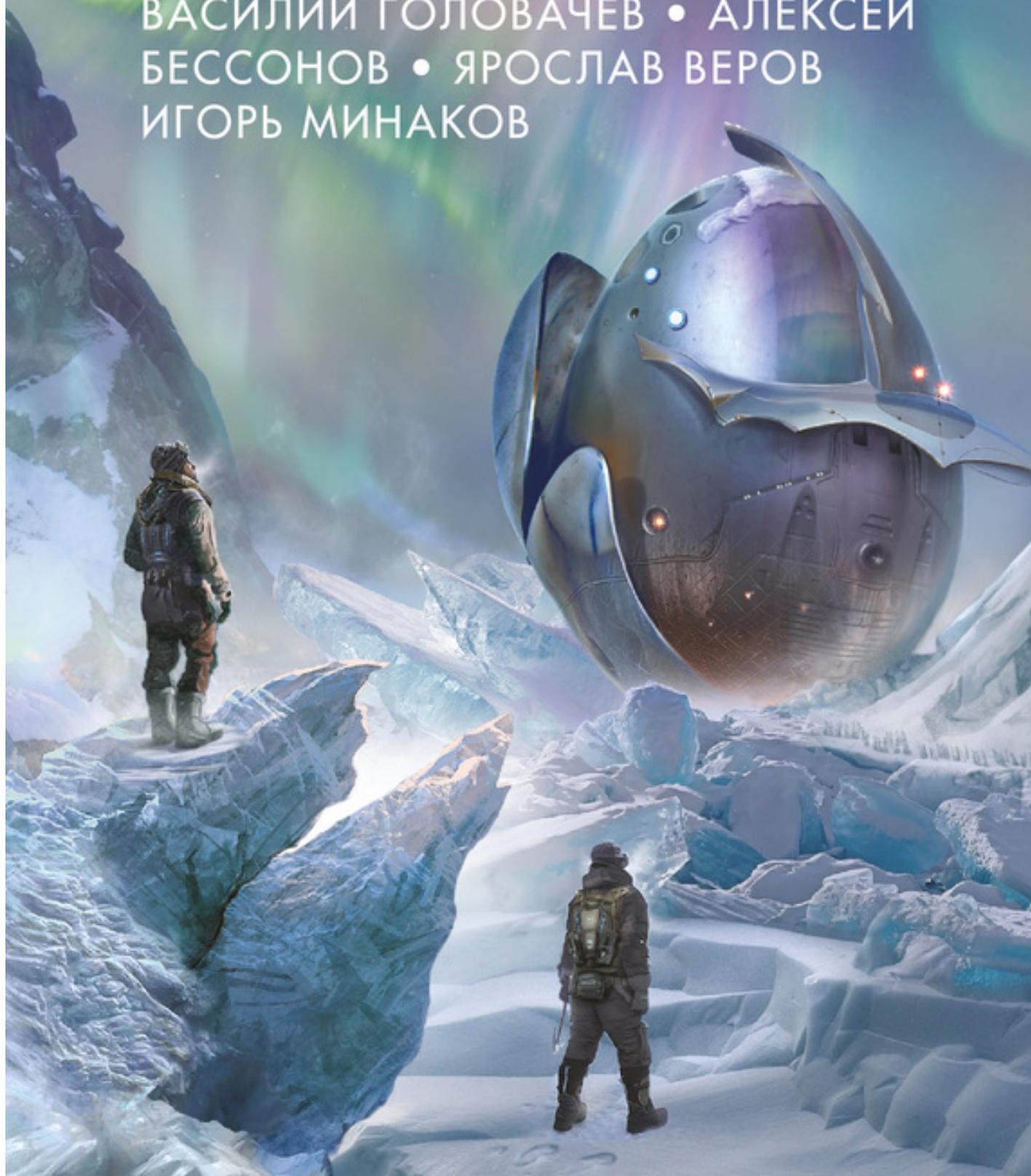

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА-2017

Том первый

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • АЛЕКСЕЙ
БЕССОНОВ • ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
ИГОРЬ МИНАКОВ

Русская фантастика (Эксмо)

Алексей Бессонов

**Русская фантастика –
2017. Том 1 (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бессонов А. И.

Русская фантастика – 2017. Том 1 (сборник) /
А. И. Бессонов — «Эксмо», 2017 — (Русская фантастика
(Эксмо))

ISBN 978-5-699-93785-1

Бродячего кота прозвали Чумой, но Максим назвал его Рыжим, приютил, обогрел, накормил. И не прогадал! Вскоре выяснилось, что только кот Рыжий способен выручить человека из беды, в ситуации, находящейся явно за пределами человеческих возможностей... Мир слетел с катушек еще очень давно, но по-настоящему лишь восьмого июля 2054 года, когда африканские страны захлестнул огонь протестов и революций, низвергнув и без того беспокойный континент в пучину хаоса и ярости, да так, что границы размыло и народы смешались. Но, как выяснил Томас О'Двайер, сотрудник одной из британских компаний, размыло не только государственные границы... Есть ли жизнь на Марсе, русский астроном Беляев всерьез не задумывался. Хотя петербургскую публику начала XX века этот вопрос сильно интересовал. Пришлось Беляеву прочитать ряд популярных лекций на эту тему. Если бы он знал, чем для него это обернется... Василий Головачёв, Алексей Бессонов, Ярослав Веров, Игорь Минаков и другие звезды отечественной фантастики в традиционном ежегодном сборнике «Русская фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93785-1

© Бессонов А. И., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Василий В. Головачёв	7
Ярослав Веров	23
Эдуард Шауров	36
Александр Миллер	42
Алексей Бессонов	50
Глеб Соколов	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Русская фантастика – 2017. Том 1 (сборник)

© Бессонов А., Вереснев И., Веров Я., Головачёв В., Голубева М., Дашков А., Дымов А., Калиниченко Н., Комарницкий П., Кудлач Я., Манукян Г., Марышев В., Миллер А., Минаков И., Одувалова А., Окулов В., Рыженкова Ю., Скоробогатов А., Соколов Г., Честнейшин А., Шауров Э., Шенгальц И., 2017

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Василий В. Головачёв Рыжий

Правдивая история

Кот орал ночью так, что Максим проснулся в два часа и подумал: кто-то умирает! – настолько душевные фиоритуры издавал котяра. Зверь буквально плакал и стонал, как человек, испытывающий невероятную боль. Ему было холодно, мучил голод, и в мяве он изливал своё непонимание человеческой чёрствости и отсутствия у людей сочувствия.

Пришлось встать и притворить окно: несмотря на холод и сентябрьскую промозглую сырость, спал Максим с открытой форточкой. И заснуть ему удалось только после того, как кот умолк.

Наутро сестра Таня сообщила, что кот соседский, ворюга и бандит, ворует всё и у всех, и соседка давно пытается избавиться от него, выгоняет на улицу и травит.

– Зачем? – не понял Максим. – Не жалко скотину мучить? Взяла бы и усыпила в вет-лечебнице.

– Так за это платить надо, – простодушно пожалла плечами сестра, которая тоже не любила котов, чего и не скрывала. – А Чума всем надоел, сосед Вовка Спиринов в него стрелял даже, жалко, что не попал.

– Неправильно это, – осуждающе покачал головой Максим; он-то в отличие от Татьяны животных любил, а в детстве, когда жил с родителями, дружил с котами и часто заступался перед бабкой Нюрой за Барсика; кот по ночам спал у него в ногах.

По плану в этот приезд собирался с друзьями посетить кладбище, где были похоронены все его предки и друг детства Лёха Шилов, а потом съездить на рынок, купить кое-что для вечерних посиделок.

Он практически каждый год приезжал из Москвы в Жуковку на машине и собирал старую школьную компанию, останавливаясь то у тётки Ксении, то у тётки Вали (родители разошлись, отец уехал в Сибирь, мать в Белоруссию), а когда двоюродная сестра Татьяна купила в Жуковке частный домик и переехала туда из Брянска, начал квартироваться у неё.

Кота по кличке Чума он увидел возле машины, которую ставил во дворе дома; гаража у Татьяны не было. Здоровенный пушистый рыжий кот сидел у колеса и, когда Максим вышел, уставился на него огромными зелёными глазами. И такая у кота стояла в глазах тоска, такая вселенская скорбь, что у Максима ком встал в горле. Он замер.

Замер и кот, глядя на человека.

Максим присел на корточки.

– Плохо, да, рыжий? Есть хочешь?

Глаза у кота стали ещё больше, зрачки расширились.

– Обижают? – продолжал Максим. – Хочешь, вынесу чего-нибудь?

– Мяк?! – не промяукал – сказал котяра.

Максим улыбнулся.

– Подожди, сейчас вынесу.

– Что-то забыл? – спросила Татьяна, когда он появился на кухне.

– Кота хочу покормить. Есть чего-нибудь, косточки там, молоко?

– Ещё чего, – удивилась дородная, полная, с толстыми ногами и животом, пятидесяти-летняя женщина, пережившая двух мужей. – Яду ему, а не косточек.

– Тань, ты куриный суп собралась готовить, отрежь гузку и лапы и не ругайся, божья тварь таки.

Поворчав, сестра обрезала тушку курицы.

Кот не ушёл, хотя и сидел теперь за углом дома, перед кустами малины, готовый чуть что скрыться.

– Вот, принёс, Чума, – показал курятину Максим. – Хреновую кликуху тебе дали. Буду звать тебя Рыжий, если не возражаешь. Приходи вечером, ещё чего-нибудь вынесу.

Он бросил мясо ближе к забору.

Кот проводил куски взглядом, вопросительно и недоверчиво глянул на человека.

– Ешь, не яд, – засмеялся Максим. – А то я подумаю, что ты не голоден.

Кот не спеша подошёл к мясу, понюхал, ещё раз удивлённо посмотрел на Максима, потом ухватил ближайший кусок зубами и даже не съел – проглотил всю порцию за пару секунд, судорожно обнюхав дёрн вокруг.

Стукнула дверь: вышла сестра.

Кот махнул в кусты, исчез.

– До вечера, – проводил его глазами Максим.

– Чума? – спросила Татьяна.

– Рыжий, – ответил он.

Вечером кот не пришёл. Зато заорал ночью.

Максим достал из холодильника кастрюлю с супом, выловил два куска курятины, вышел на крыльцо.

Дождя не было, но тучи затянули всё небо, дул неприятный, холодный ветер, и невольно вспоминалось русское: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит.

– Рыжий, – позвал Максим.

Раздался шорох. По забору царапнули когти, в отсвете фонаря на улице проявилось жёлтое пятно, фосфорически мигнули глаза.

Максим положил мясо на ступеньку крыльца, поднялся повыше.

– Ешь.

Кот приблизился. Вид у него был пришибленный, с правого бока исчез клочок волос, за ухом виднелся шрам, правую лапу он держал как-то странно, практически не наступая на неё.

– Что у тебя с лапой?

Тон подействовал: вряд ли со зверем кто-либо разговаривал так мягко.

– Мяк, – коротко сказал кот, сделав ещё шаг.

– Подрался с кем? – покачал головой Максим. – Или попал под облаву? Иди, ешь, не бойся, никто тебя не тронет.

Кот преодолел страх, подошёл, хромя, проглотил курятину, облизнулся.

Максим осторожно нагнулся, взял его на руки, обнаружив, что весит он от силы три-четыре килограмма и дрожит мелкой дрожью.

Снова в горле застрял ком.

– Пойдём, помою, лапу и рану за ухом обработаю. Не дрожи, я свой, ничего плохого не сделаю.

В ванной он включил тёплую воду, усадил кота на скамеечку и начал мыть.

К его удивлению, кот не дёргался, не пытался убежать или мяукать, только дрожал и шурился, будто понимая, что хочет сделать человек. Напрягся он только тогда, когда к ванную заглянула проснувшаяся Татьяна, всплеснула руками:

– Батюшки светы! Ты совсем ума лишился, братец!

– Ага, – согласился с ней Максим, удерживая кота. – Дай какое-нибудь ненужное полотенце. Увезу его с собой, раз здесь ему житья нет. Всё равно никому не нужен.

Кот зыркнул на Татьяну огромными глазами.
Сестра перекрестилась и вышла.
– Поедешь со мной в столицу, Рыжий? – посмотрел ему в глаза Максим.
– Мяк, – ответил кот.
Наутро Максим действительно увёз его в Москву.

* * *

В эту московскую компанию Максим попал случайно, поступив после окончания инженерно-физического института в научно-исследовательский центр «Наука, инновации, технологии». Начальник проектной лаборатории № 6, в которую устроился Максим, сорокалетний Олег Фенер, толстяк и балагур, оказался неплохим теннисистом, а когда узнал, что Максим в институте выступал за сборную команду МИФИ по этому виду спорта, тут же пригласил его поучаствовать в соревнованиях по теннису за лабораторию; спортивная молодёжь центра с удовольствием состязалась в межофисных соревнованиях по теннису, футболу и волейболу.

Максим согласился и вскоре стал своим в команде, а также сдружился и с компанией Фенера, в которую входили Дима Бушуев, ведущий инженер лаборатории, Сергей Маркин и Илья Краснов, главный её теоретик и программист.

К осени они начали проводить время не только в спортзале НИЦ, располагавшегося на улице Расплетина, недалеко от метро «Октябрьское поле», но и на даче Фенера, а также в совместных походах по лесам Подмосковья, поскольку все были заядлыми грибниками.

Кот при первом же походе Максима, длившемся сутки: утром выехали, к обеду следующего дня вернулись, – проявил себя самым решительным образом. Не дождавшись хозяйина к ночи, он начал жалобно мяукать под дверь, а потом устроил такой яростный мяв, что соседи едва не вызвали бригаду МЧС, обеспокоенные кошачьим концертом. Пришлось побеседовать с Рыжим, объяснить ему, что живёт он не в деревне, а в городе и его концерты раздражают людей ничуть не меньше прежних гонителей. Понял ли он увещевания Максима или нет, было неизвестно с неделю, до очередного похода Максима. Рыжий снова устроил «филармонию», и хотя орал меньше, всё же встретил он хозяйина таким укоряющим взглядом, что Максим почувствовал себя негодяем.

После этого он старался побыстрее бежать с работы домой, поменьше быть в спортзале и не задерживаться в гостях надолго. Оставить кота было некому, родители жили слишком далеко от Москвы, а родные сёстры, Вика и Лена, хотя и устроились в столице, не слишком любили животных, как и двоюродная Татьяна, и ситуация так расстроила его друзей, что Олег как-то предложил ему:

- А ты бери его с собой.
- Да ладно, – озадачился Максим. – Он же сбежит.
- В машине посидит.

Обычно они приезжали в одну из деревень Подмосковья, недалеко от грибных лесов, оставляли машину у кого-то из местных жителей, договаривались с ним, чтобы он постерёг транспортное средство (ездили на «Хонде» Максима либо на «Ягуаре» Олега), уходили в лес и возвращались к вечеру. Такой формат походов устраивал всех.

- Он всю машину изгадит за день.
- Сторожу оставим.
- Сбежит.
- Ну, тогда ошейник купи и поводок, будешь по грибы с котом ходить. – Фенер хихикнул.
- Он же не собака.

– Тогда отдавай его в кошачий приют, – рассердился начальник лаборатории. – Если хочешь остаться в компании. Либо становись домоседом.

Максим подумал, нашёл звероприёмник на улице Бабкина, договорился с сотрудниками, что будет оставлять кота изредка, и на следующий совместный рейд по грибы оставил Рыжего «в гостинице». Вернулся через двое суток, вечером в воскресенье, и дежурный приёмника заявил:

– Забирайте своего бандита! Орал два дня, бросался на сетку вольера, ничего жрать не стал! Больше не возьмём.

Максима повели по ряду вольер в дальний конец приёмника, и не успел он подойти к кошачьему приюту, как услышал знакомый мяв.

– Вот, слышите? – повернулся к нему сторож. – Житья от него нету! Первый раз такую беспокойную зверюгу вижу.

Кот увидел Максима, перестал орать, потом бросился когтями на сетку и застыл.

Максим покачал головой, сглатывая ком в горле.

– Не стыдно? Орёшь, как пароходная сирена, людей пугаешь.

– Мяк, – хрипло мурлыкнул кот, опускаясь на задние лапы.

– Неужели думал, что я тебя брошу?

– Мяккуах, – ответил Рыжий.

– Не брошу, дурачок. Ума не приложу, что с тобой делать. Не буду же я всё время сидеть дома? А в командировку придётся ехать? А на море отдохнуть?

– Мяк, – облизнулся кот.

– Понимает, однако, – с уважением хмыкнул сторож. – Только больно он у вас оручий. Кастрированный?

– Нет.

– Кастрируйте, сразу успокоится.

Кастрировать, однако, Рыжего Максим не стал. Вспомнил совет Олега, задумался: может, и в самом деле попробовать брать кота с собой?

Дверца вольеры открылась. Рыжий прыгнул на грудь Максима, и хотя его острые когти оставили след на руках и шее молодого человека, ему было радостно и приятно от такого проявления любви и привязанности.

Через несколько дней он взял кота с собой, купив поводок и кошачий ошейник в специализированном магазине.

Друзья сначала отнеслись в этому решению скептически, припомнив весёлые истории и мультики советской эпохи про умных котов, но когда Рыжий спокойно отнёсся к походу в лес, а через месяц вообще бегал вокруг грибников без ошейника и находил грибы, шутки прекратились.

Через год Рыжий стал полноценным участником компании.

* * *

Эта осень выдалась идеально комфортной для всех грибников Подмосковья.

С середины августа в средней полосе России установилась тёплая погода – от двадцати двух до двадцати пяти градусов, ночные дожди шли регулярно, подпитывая лесную почву, и грибов уродилось несметное количество, хоть грузовиками вывози.

Не осталась в стороне от процесса и компания Максима. Идею предложил самый младший из группы, Илья Краснов. В отличие от айти-специалистов, заикленных на компьютерах, дни и ночи просиживающих перед мониторами, он находил время и для тенниса, и для грибной охоты и не отказывался от турпоходов по экзотическим местам России.

В среду, восемнадцатого августа, он пригласил Максима в свой рабочий модуль, располагавшийся в здании Центра этажом выше, и вывел на экран фото какого-то пирамидальной формы чёрного камня.

– Смотри.

– Что это? – любопытствовал Максим.

– Чёрный столб, – сказал Илья с гордостью, будто предъявлял приятелю скульптуру из своей коллекции.

– Где ты его нашёл? – хмыкнул Максим, обнаружив, что глыба окружена елово-сосновым лесом.

– Выкопал в Сети и выяснил его историю. Он стоит посреди Комягинского леса, который издавна считается блудным местом.

Максим засмеялся.

– Местные жители туда любовниц водят?

– Нет, имеется в виду, что местность вокруг столба заколдована, люди, увидев его, могут неделями блудить вокруг да около, пока не выберутся из леса.

– Ведьмина поляна.

– Ну, что-то вроде этого.

– Легенда.

– Правда, подруга моей сестрицы Варвары с приятелями там была и действительно заблудилась, двое суток по болотам шастала.

– У них что, навигатора не было? Или мобил?

– Мобилы были, да только толку с них что с козла молока, ГЛОНАСС им одно показывает, выходят совсем в другое место, а потом и мобилы разрядились.

– Бывает, аномальная зона. И что?

– А давайте туда все вместе махнём? Сестру с собой возьмём, она давно в компанию просится.

– Зачем?

– Можем не брать.

– Зачем туда ехать?

– Во-первых, столб найдём и легенду проверим. Говорят, вблизи него часы останавливаются, компасы врут и мобилы перестают работать, заряженные. Во-вторых, там грибов тьма-тьмушая, белые, грузди, рыжики, подосиновики. Местный народ туда боится ходить, вот они и родят, по мешку наберём.

– Что ты будешь делать с мешком грибов?

Илья хлопнул пушистыми длинными, как у девушки, ресницами; в отличие от Максима – сероглазого шатена, он был соломенноволосяным блондином и, когда смущался, вспыхивал как факел.

– Ну, ты даёшь, Макс! Засолим, замаринуем, нажарим, у меня предок умеет так грибы готовить – пальчики оближешь! Так ты против?

Максим внимательно посмотрел на скалу.

– Да нет, почему бы благородному дону и не махнуть к твоему столбу? Где он, говоришь, торчит? Комягинский лес – это где?

– У села Комягино, Пушкинский район Московской губернии, всего в девятнадцати километрах от МКАДа, по Ярославке.

– Ладно, уговорил, я согласен, зомбирую остальных. Уговоришь – поедем.

Так компания оказалась в Комягинском лесу, считавшемся одной из аномальных зон Подмосковья, о которой в народе ходило много слухов и легенд.

* * *

Двадцать первого августа, в пять часов утра, белая «Хонда» Максима забрала одного за другим участников экспедиции – Олега Фенера (толстяк взял с собой раскладывающийся спецрюкзак для переноски пищевых продуктов, в который собирался набрать четыре ведра грибов), Диму Бушуева и Илью Краснова. Пришлось также заезжать и за его сестрой, жившей недалеко от метро «Митино», так как все согласились взять девушку с собой.

Не забыл Максим и кота, уже не представляя себе жизни без Рыжего, ставшего буквально членом семьи. В машине кот вёл себя абсолютно свободно и не стеснялся спать на коленях у Варвары, хотя видел её в первый раз.

Сестра Ильи оказалась хорошенькой блондинкой с платиновыми волосами, яркими зеленоватыми глазами и ямочками на щеках. Одета она была в джинсовый костюмчик, а для грибов взяла одну плетёную корзинку. По словам брата, ей исполнилось двадцать восемь лет (то есть она была старше Максима на три года), и работала девушка в центре сердечной медицины Бакулева, обслуживая ядерный магнитно-резонансный томограф.

Максим пожалел, что он за рулём. Варвара ему понравилась сразу, да и не только ему, но всем приятелям, судя по их оживлению и умным речам. Они могли вести со спутницей беседу, он же не должен был отвлекаться от дороги.

До села, входившего в состав сельского поселения Ивантеевка, добрались к семи часам утра. Комягино располагалось на левом берегу речки Скалбы и представляло собой всего две улицы – Лесная и Хуторская, с тремя десятками старых хат, доживающих свой век, среди которых встретились и несколько каменных коттеджей за высокими заборами, явно указывающих на достаток их владельцев.

По подсказке Варвары проследовали до последней хаты, с резными голубыми наличниками, где останавливалась и компания её подруги, договорились с хозяевами оставить машину во дворе, и отряд устремился в лес, ведомый Ильёй и его «гуглокомпасом».

Хозяева, семидесятилетний Николай Петрович и ещё более древняя Акулина Мионовна, попытались отговорить компанию от похода, но Олег, поверивший в легенду о Чёрном столбе и жаждущий приключений (несмотря на возраст и полноту – весил он больше ста десяти килограммов, завлаб был подвижнее спутников), уверенно заявил:

– К вечеру вернёмся и вам грибков выделим, – ждите.

– Ну-ну, – только и ответил седенький Николай Петрович.

Надвинули на головы береты и бейсболки, углубились в лес по давно проложенной тропинке.

Суетившиеся возле Варвары Дима и Олег вынуждены были сосредоточиться на маршруте, тем более что лес через полчаса движения начал смыкать ряды деревьев и темнеть. Началась чащоба. А потом вдруг исчезла и тропинка, словно растворилась в воздухе.

Остановились передохнуть, разглядывая заросли вокруг.

Кот в котомке за спиной Максима мякнул.

Он подумал, выпустил Рыжего, погрозил ему пальцем.

– Не отходи, заблудишься!

Варвара, с любопытством наблюдая эту сцену, фыркнула:

– Он у вас такой самостоятельный?

– Три года у меня живёт, – пояснил Максим, обрадованный тем, что и на него обратили внимание. – Сначала на поводке водил, дома один не хочет оставаться, а теперь вполне самодостаточен в лесу и грибы ищет не хуже ежа.

Однако вопреки его заявлению Рыжий отходить от группы не стал. Шерсть его встала дыбом, глаза засверкали ярче, спина выгнулась.

- Мяк-амм-мя? – сказал он с вопросительной ноткой, оглянувшись на хозяина.
- Иди рядом, – приказал Максим.
- Рыжий послушался.
- Сестра Ильи засмеялась.
- Завидую, мне бы такого кота кто подарил.
- Приезжайте в гости.
- Благодарю за приглашение, как-нибудь заявлюсь с Ильёй.
- Максим хотел сказать: можно и без Ильи, – но не решился.
- Заметьте время, – сказал идущий впереди Краснов. – Проверим, правду говорят блудившие или нет насчёт отставания часов.
- А долго ещё идти? – спросил Фенер, которому приходилось труднее всех.
- С час.
- Лена говорила, что они прошли километров пять, – добавила Варвара, – пока не подошли к поляне, где и увидели глыбу.
- Чёрный столб?
- Она утверждала, что на столб он не похож, но абсолютно чёрный.
- У каждого своя фантазия. А грибы мы где будем собирать? Далеко до деревни переть придётся.
- Посмотрим на столб, – сказал Илья, – сфотокаемся и вернёмся назад, Николай Петрович говорил, что листовенная полоса с грибами чуть южнее.
- Эх, зря идём, – вдруг сказал смуглолицый, даже зимой выглядевший загорелым, Дима Бушуев. – Не нравится мне эта затея.
- Надо было в деревне остаться, – проворчал Фенер. – Не кисните, идём дальше, раз уж пошли.
- Двинулись вслед за Ильёй, поглядывающим то на экранчик своего смартфона, то на часы-навигатор на руке. Шли не быстро, служба лесников захирела, лесные заросли никто не чистил от упавших деревьев и валежника, и то и дело приходилось обходить упавшие стволы, особенно сосны, превратившиеся в гигантских шипастых многоножек.
- Мы не сбились с пути? – проворчал Олег через час, когда подуставший отряд остановился на очередной отдых.
- Нет, идём точно по гуглу, – сказал Илья. – Да и солнце светит слева, как говорила Ленка. Они тоже сначала потеряли тропинку, а потом вышли к столбу.
- Что скажешь, Рыжий? – присел Максим на корточки перед котом.
- Кот зашипел.
- Грибники засмеялись.
- Ему не нравится наша компания, – сказал Дима.
- Он просто устал, – возразил Фенер. – Возьми его на руки.
- Иди, – протянул руки Максим.
- Но кот почему-то фыркнул и попятился, ворочая головой, словно перестал узнавать хозяина.
- Во глазищи! – восхитился Илья. – Как фонари!
- Кот заурчал, попятился ещё дальше, потом прыгнул в кусты.
- Ты куда?! – удивился Максим. – Вернись сейчас же, потеряешься!
- Кот не отозвался, целеустремлённо направляясь к просвету между деревьями, лавируя между кочками, грудками валежника и деревьями.
- Максим бросился за ним, испугавшись, что зверь действительно заблудится. За ним потянулись остальные, обмениваясь шутками.
- Погоня длилась несколько минут и закончилась на опушке небольшой поляны.

Рыжая спина кота была хорошо видна в траве, и Максим не потерял его из виду, а когда догнал – зверь остановился на выступающих из земли корнях сосны, – не сразу понял, почему тот не идёт дальше. Раздвинул ветки орешника, собираясь прыгнуть вперёд и схватить кота, и замер.

В центре поляны красовался чёрный, сужающийся кверху камень, напоминающий обелиск. Он был неправильной формы, состоящий из продолговатых выпуклостей, но приглядевшись, Максим увидел в нём некую фигуру, обладавшую странно живой притягательной силой. Не очень доброй силой, потому что от обелиска дул ощутимый холодный ветер – при полном безветрии – и, казалось, он смотрит на человека подозрительно и неприветливо.

Максим нагнулся, взял замершего кота на руки, почуввав, что он дрожит.

– Тише, тише, Рыжий, не бойся, я с тобой.

Послышались голоса друзей, компания выбралась к поляне.

– О! – увидел столб Илья. – Вот он! Нашли! Я же говорил – не промахнёмся! Сверим часы, парни, на моих десять ноль две.

Компания оживилась.

Илья полез через высокий бурьян к скале.

За ним поляну преодолели, путаясь в траве, остальные, последним – Максим с Рыжим на руках. Кот поупирался, явно не желая идти к скале, но смирился со своей участью, хотя дышал часто-часто, а у обелиска вообще начал дрожать мелкой дрожью, как в Жуковке, когда Максим впервые прижал его к себе.

– Успокойся, – шепнул ему на ухо молодой человек. – Ничего страшного не происходит, мы нашли камень, сфотографируемся и уйдём.

Разбрелись вокруг странной скалы, вызывающей не слишком приятные ощущения живого, с мобильными телефонами в руках, фотографируя камень и друг друга. Устроили дискуссию: что он собой представляет. Версий было несколько: базальтовый останец, валун времён ледника, метеорит, менгир и сейд. Сошлись на общей идее, высказанной первоначально Ильёй: Чёрный столб – специально установленный здесь века, если не тысячелетия, назад географический знак, отделяющий границу чьих-то владений либо указывающий путь ходокам и купцам.

Собрались на краю поляны, уставшие почему-то так, будто прошагали по лесу с десятков километров, перекусили, съев по бутерброду с сыром и запив чаем.

Кот вёл себя смирно, но стоило ему оглянуться на столб, его снова начинала колотить дрожь.

– Интересно, что он чувствует? – спросил Дима, заметив, как Максим успокаивает животное. Максим не ответил. Ему тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

– Теперь можно идти и за грибами, – объявил Илья. – Сброшу потом фотки в Сеть, похвастаюсь.

– Куда надо идти? – несмело спросила Варвара, потерявшая былую активность.

Впрочем, остальные чувствовали себя не лучше, испытывая необычное недомогание.

– На восток, – уверенно указал рукой Илья. – По моим расчётам до края леса всего четыре километра. Сверим часы ещё раз, на моих половина одиннадцатого.

– Десять двадцать восемь, – сказал Дима.

– Десять двадцать семь, – возразил Олег.

На циферблате часов Максима было ровно половина одиннадцатого, и он промолчал.

– А вам не показалось странным?.. – начал непривычно задумчивый Дима.

– Что? – оглянулся на него Фенер.

– Нас как будто кто-то тянет назад.

Все замолчали, бросая взгляды на поляну, посреди которой угрюмо высился Чёрный столб.

Максиму тоже показалось, что он чувствует некое необычное нетерпение и желание вернуться. Но коту поведение людей не понравилось, он задёргался в сумке и хрипло, с надрывом, мяукнул:

– Мьяв-р-р-ру-у-у!

– Идёмте отсюда, – первым опомнился Олег, передёрнув плечами. – Не русский тут бог запакован, зря только время потеряли.

Двинулись прочь от поляны, следуя за Ильёй. Но прошагали всего ничего, с полкилометра, и вышли... к поляне с обелиском!

– Оба-на! – сказал брат Варвары озадаченно, глядя на чёрную колонну в просвете ветвей. – Это что ещё за фигня?!

Вышли на край поляны.

Кот в котомке за спиной Максима заворчал, мявкнул вопросительно.

– Николай Петрович предупреждал, – робко проговорила уставшая Варвара. – Все, кто видел столб, потом долго блудили.

– Это я виноват! – храбро заявил Илья. – Отвлёкся, на компас-навигатор не смотрел... – Он умолк, глядя на циферблат навигатора, по которому из стороны в сторону прыгала магнитная стрелка. – Вот, блин!

Фенер подошёл к нему, поднял руку с браслетом к глазам.

– Ну и что это означает?

– Сюда шли, всё было нормально. – Илья ткнул пальцем в лес. – Там юг, там север.

– Что изменилось?

– Не знаю.

– Послушайте, пацаны, – сказал Дима Бушуев, – вам не кажется, что форма столба какая-то другая?

Все дружно посмотрели на трёхметровой высоты обелиск.

– У тебя галлюники, – изрёк Илья.

– По-моему, он был толще... – неуверенно сказала Варвара.

Максиму тоже показалось, что скала в центре поляны «похудела», но это мог быть и просто другой ракурс, и возражать он не стал.

– Я поведу, – решил Олег. – По солнцу. Сейчас десять сорок пять, солнце на востоке, значит, север там, а нам сюда. Давайте ещё раз сверим часы.

– На моих десять сорок три, – сказал Дима.

– Десять сорок две, – хмыкнул Фенер.

– Десять сорок, – сообщил Максим.

– А мои стоят, – удивилась Варвара.

Мужчины переглянулись.

– Что у тебя за аппарат? – поинтересовался Олег.

– «Пандора»... швейцарские, – показала часы девушка.

– Кварц?

– Да...

– У меня механика.

– И у меня, – добавил Дима. – Отечественные офицерские.

– Ладно, возьмём на заметку, – бодро сказал Илья. – Подтверждается слух, что в этих местах часы начинают глючить.

– А твой навигатор?

Илья сморщился.

– Не поверите... похоже, он тоже разрядился. Вот гадство!

– Уходим, – помрачнел Фенер. – Не хватало ещё застрять здесь до вечера.

Двинулись обратно, тем же путём, тщательно сверяя направление движения, стараясь идти по солнцу – на юго-восток.

Кот в сумке за спиной притих на какое-то время, потом начал мяукать, да так скорбно, что Максиму пришлось выпустить его на волю.

– На поводок посади, – посоветовал Дима. – Удерёт – не поймаем.

Однако Рыжий не стал убегать далеко, лишь сделал крюк, поворчав не то на зверя, не то на птицу в кустах, и вернулся к хозяину. Максим снова взял его на руки, погладил, посадил в сумку, передвинув её на грудь.

– Смотри, куда идём.

Прошагали с километр, останавливаясь каждые полсотни метров, ища глазами солнце за кронами деревьев.

И вышли к поляне с Чёрным столбом!

Кот заорал, но Максим не стал его выпускать. Посмотрел на свой механический хронометр: часы по-прежнему показывали десять сорок, что и полчаса назад. Часы не могли не идти, так как завод у них не кончался, они обладали маятниковым механизмом, подводящим пружину, но они не шли!

– У меня мобильный сдох, – сообщил обескураженный Дима.

– У меня тоже, – буркнул Олег. – Что скажешь, Сусанин?

Илья оторвался от созерцания обелиска.

– Вообще-то нас ты вёл...

– Мы шли строго на юго-восток... если верить положению солнца.

– Ну... сбились...

– Что твой гугл показывает? – спросил Дима.

– Ничего не показывает, – смутился Краснов. – Аккумулятор сел, наверно, как и у мобил.

– Да, мобилы у всех в отключке. Что будем делать, господа хорошие?

– Надо не терять направления, – сказала Варвара.

– Мы его не теряли.

– Ведьмина поляна просто так не выпустит, – сказал Дима. – Я читал, люди вообще пропадали...

– В болотах топли, – отмахнулся Илья. – А здесь лес более-менее чистый, болот мало. Я в колдовские штучки не верю.

– Но аномальщина налицо.

– Выберемся, этот лес насквозь за два часа пройти можно. Предлагаю идти галсами: прикинули направление, прошли десять метров, посоветовались, дальше пошли, чтобы точная прямая получилась, а не петля, и выйдем.

Фенер подудел себе под нос, размышляя, вытер пот с лица (становилось жарко по мере того, как солнце поднималось выше), оглядел команду.

– Давайте помолимся лешему, чтобы выпустил, лично у меня к нему претензий нет.

Варвара фыркнула.

– Лешие в сказках остались.

– Кто знает, кто знает, сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. А мы, между прочим, уже дважды круголя дали. Пошли, будем идти так, чтобы столб всё время сзади оставался, каждые десять метров корректируем курс.

Тронулись в путь.

Кот снова притих. Максим собрался было выпустить животное, но передумал. Аномальная зона действовала на кота сильнее, чем на людей, и он мог просто разнервничаться и сбежать.

Прошли с полкилометра, проверяя траекторию движения после коротких остановок, убедились, что идут прямо, снова двинулись прочь от заколдованной поляны. Повеселели, так как по всем признакам поляна осталась позади, взгляд в спину снизил давление, ощущение неприятного сопровождения исчезло.

Лес изменился, чаще стали попадаться лиственные породы – берёза, дуб, клён, ольха. Вышли на тропинку.

– Ура! – Вскинул вверх кулаки Илья. – Главное – верить в себя, а не в магию, и всё будет тип-топ!

– Куда теперь? – спросила облегчённо вздохнувшая Варвара, снимая бейсболку. – Направо, налево?

– Направо, – сказал Дима.

– Налево, – возразил Илья. – Направо – это практически назад, к поляне, я точно знаю.

– Вечно тебя тянет налево, – усмехнулся взопревший Фенер. – Ладно, не красней, я пошутил, идём налево. Уже обед скоро, а мы ещё грибов не видали.

– Я лисички видел.

– Я тоже, но здесь лучше не брать.

Попили водички, заторопились, набирая ход.

Тропинка почти не петляла, полужаросшая, старая, изредка почти исчезающая в траве. Впечатление было такое, будто по ней не ходили несколько лет. Но поскольку любая тропинка должна заканчиваться там, где живут люди, грибники не задумывались, куда она приведёт. Вокруг было много сёл и городков, и к одному из них они надеялись скоро выйти.

Шли, однако, долго, больше получаса. И когда у Фенера лопнуло терпение и он был готов объявить привал, впереди меж стволами сосен и берёз замелькали какие-то жёлто-коричневые пятна, длинные жерди, крыши, и отряд вышел на околицу деревни.

Илья, почти бежавший впереди всех, замедлил шаг, остановился, озадаченно разглядывая то, что находилось на открывшемся пространстве. К нему присоединились остальные.

– Мать честная! – сказал Илья.

Это была деревня. Но очень необычного вида деревня, словно сошедшая с полотен художников, пишущих фантастические гиперборейские поселения многотысячелетней давности, какими их представляли историки Древней Руси.

Тропинка вливалась в хорошо утоптанную ровную дорогу, кольцом охватывающую с три десятка строений, также образующих кольцо вокруг круглой площади, посреди которой высилась колонна высотой метров в пятнадцать, похожая на гигантский штык. Сделана эта колонна была из деревянных брусьев и жердей.

Дома деревни тоже были выстроены из дерева: срубы – из ошкуренных и отполированных до блеска брёвен не меньше полуметра в диаметре, двух- и трёхвенцовые островерхие крыши покрыты досками, искусно перекрывающими друг дружку, и заканчивались они по углам фигурами зверей и птиц.

Крыши то ли были покрашены, то ли потемнели от старости и непогоды до бурого цвета, а вот брёвна домов буквально светились янтарём, словно были уложены и отлакированы недавно.

Окон в стенах строений насчитывалось множество, и все они были охвачены резными наличниками немислимой красоты. Узорчатые двери, балясины крылец также выглядели новыми, но в отличие от стен явно были покрашены, и весь этот ансамбль строений напоминал некий музей под открытым небом, ждущий посетителей, а не жилое городище.

Судя по тишине, царившей в деревне, она была пуста.

Впрочем, это впечатление оказалось ложным. Сначала Варвара заметила движение на площади деревни, затем Максим и все остальные: где-то хлопнула дверь, заржала лошадь, кто-то засмеялся вдали, слышались голоса, за деревней проскакал всадник на коне, а

потом из ближайшего храма – избой эту постройку назвать не поворачивался язык – вышла женщина в цветастом сарафане, цветастом же платке и зашагала по кольцевой дороге, перекинув через плечо белый свёрток. В другой руке, не занятой свёртком, она держала плетённый короб.

Грибники, затаив дыхание, следили за ней, не веря, что это с ними происходит наяву.

Кот в сумке зашипел.

– Тише! – едва слышно прошептал Максим, просунув руку в окошки сумки и погладив зверя по вздыбленной шерсти.

Женщина заметила отряд, приостановилась, но не испугалась, повернула к грибникам. Подошла на расстояние в десяток шагов, остановилась, внимательно разглядывая компанию. Стало видно, что это старуха лет восьмидесяти, с морщинистым тёмным лицом и маленькими голубоватыми глазками, в которых светились ум и энергия.

– Здрасьте, бабушка, – пробормотал Олег.

За ним недружно поздоровались с жительницей деревни спутники толстяка.

– Мы немного плутанули, хотим к деревне Комягино выйти, не подскажете, в какую сторону идти?

– Какошч сторон? – переспросила старуха глуховатым голосом.

Мужчины переглянулись.

– Это что за деревня? – спросил Олег. – Или здесь построили павильон для съёмок?

– Съёмоч? – повторила старуха с ноткой недоумения. – Какошч съёмоч? Хэта поселица Хлумань.

– Что? – удивился Олег. – Хлумань? А где Ивантеевка? Деревня Комягино? Сергеевка?

– Серхиевк? Комяхи? – в свою очередь удивилась старуха. – Нетто нико тут, поселица Хлумань живе. Версты осьмица к нору отседа Микоростень-град.

– Мико... – Олег посмотрел на Илью, на Диму, сглотнул. – Вы что-нибудь понимаете?

– А-и-а, вы же от ешче мир живе, – с облегчением проговорила старуха, улыбнулась, помолодев сразу лет на сорок. – Блудно ишта за лес.

– Что?!

– Инну, вы ушли лес завлечь – от соседни живче.

– Не понимаю...

– Кажется, я понял! – ожил Илья. – Хотите верьге, хотите нет, но мы попали в параллельное измерение...

– Да ладно тебе фантазировать, – ухмыльнулся Дима, – смотри, как она лыбится. Небось артистка. Здесь точно фильм исторический снимают.

Из-за ближайшего «храма» послышались голоса, на дорогу вышли двое мужчин, одетые в старинные кафтаны со множеством накладок, нашивок и навесок, старый, седой, и молодой, с белым чубом, свешивающимся на лоб. Увидев на опушке леса компанию Фенера и старуху, оба замолчали.

Старуха оглянулась, позвала:

– Филько, йды туто.

Седой, примерно такого же возраста, что и старуха, подошёл, разглядывая ясными глазами замерших грибников. Особого удивления на его лице не было, как не было беспокойства или страха.

– Блудно ишта их замрею, – сказала старуха. – Треть ходы за последни летось.

– Чёрны вага? – задал вопрос старик, продолжая разглядывать грибников.

– Что? – не понял Олег.

– Увыи идха ото чёрны вага?

– От Чёрного столба, – подтвердил Илья, уловив смысл вопроса.

– Стовп, калин морок, – кивнула старуха.

– Кто вы?! – дрогнувшим голосом спросила Варвара.
Жители деревни посмотрели на неё, как показалось Максиму, с одинаковой жалостью.
– Умыи живаго те Хлумань, – кивнул на деревню старик. – Билорца охоронство. Основград Микоростень. Дале будо Новуград и Свейск-жито. А увьи отоки?
– Из Москвы, – выдавил Илья.
Старик и старуха переглянулись.
– Воремя теки навбоки, – сказала старуха. – Оден соседни живче, застряно – остань повернато николаы.
– Давень шлёндрате-то? – спросил старик.
– А? – вытянул шею Илья.
– Он спрашивает, давно мы ходим? – сообразил Максим.
– Давно, часа два... вы нас понимаете?
Жители Хлумани снова обменялись взглядами.
– Увьи не прима выхоче з распадку Чёрны вага, – сказал старик. – Мены триждень выходче до увьи.
– Ещче есь воремя нал, – добавила старуха. – Пусь Малята отведе до распадку на грань.
Старик оглянулся.
– Малята.
Подошёл парень – косая сажень в плечах, пушок на свежих щеках, в глазах смущение и любопытство.
– Здравы бие.
– Отведе хлопы до распадку.
– Подождите! – опомнился Олег. – Вы серьёзно?! Этот ваш Хлумань – в другом... в другом...
– Измерении? – договорил Илья.
– Соседни живче, – закивали старик и старуха. – Увьи шибко наскоро надоть обкруче ко Чёрны вага, а то не верни николаы домотри.
– Но...
– Иде!
Кот в сумке мяукнул.
Все повернули головы к Максиму.
– Рыжий, – выговорил он виновато. – Кот.
– Миелов? – удивился старик.
Максим показал сумку с окошком.
Старик подошёл, нагнулся к окошку. Кот уставился на него огромными глазами.
– Сонечко дитё, – с неожиданным уважением сказал старик. – Помощче?
Кот мяукнул.
Старик разогнулся.
– Шибко идее, щелка зараста, не выди.
– Чёрт, надо сфоткаться! – заволновался Илья. – Никто же не поверит! Вы понимаете, с кем мы разговариваем?! Эта их Хлумань и в самом деле стоит в параллельном мире! Чёрный столб нас сюда перенаправил!
– Мобильные не работают, – напомнила Варвара.
– Ах ты ж ёлки зелёные!
– Иде, иде, – поторопил их старик.
– Спасибо вам! – поклонился Олег. – Рады были познакомиться. Может, ещё свидимся?
Спутник старика по имени Малята зашагал в лес.

* * *

Пока шли, Илья попытался разговорить проводника, заставить побольше информации о таинственной стране, которую старик назвал «Билорца». Однако молодой абориген отвечал неохотно, коротко и не всегда понятно, хотя его язык напоминал белорусский, поэтому узнать удалось немного, вдобавок к тому, что уже было известно.

Селение Хлумань окружали леса «на многи чисы вёрст», как выразился Малята. Недалеко от него, в дне пути, располагался городок Микоростень; передвигались местные жители «обоконь» – на лошадях. Ещё дальше – столица края Новуград. Появление группы москвичей возле Хлумани оказалось не первым, сюда уже трижды выходили «пешщии» путешественники, заблудившиеся в Комягинском лесу после встречи с Чёрным столбом, и один из них не успел вернуться, так и загибнул в лесу, по эту сторону границы миров. На вопрос Олега: что значит, он не успел вернуться? – Малята ответил простодушно:

– След остыл.

Перевод не потребовался, сказано было абсолютно по-русски.

Но до столба (Малята называл его Чёрны вага) проводник группу не довёл, остановился в лесу, на берегу какого-то ручья.

– Дале вытойте одне.

– Почему? – не понял Илья.

– Невать умие, – пожал плечами парень, – перейдо граник, опто сгину.

– Нельзя ему, – тихо перевела Варвара, уставшая больше других. – Пересечёт границу – не вернётся обратно.

– Интересно, что он знает о нашем мире? – проговорил Дима.

– Они не сильно удивились, когда нас увидели, – проворчал Олег. – Значит, понимают, что мы соседи. Знают, где стоит граничный камень, отделяющий нашу реальность от их мира.

– Дружище, этот камень – портал, да? – жадно спросил Дима.

Малята отступил.

– Бечь шибко! Щелка зараста!

– Вообще у вас какой год? – поинтересовался Илья.

– Некогда рассусоливать, – сказал Олег. – Бежать надо, пока след не остыл. Нам точно туда? – Он кивнул на чашобу за ручьём.

– Сонечко дитё покаже, – кивнул на сумку с котом проводник. – За им бягне.

– За котом?!

Малята молча повернулся и исчез, только прошелестело.

Все повернулись к Максиму, ошеломлённому словами парня.

– Макс, ты поводок взял? – осведомился Илья.

Максим виновато покачал головой.

– Не подумал...

– А если он удерёт?

– У нас нет выбора, – сказал Олег. – Кот побежит – и мы за ним, со всех ног. Выпускай зверя, Макс, объясни ему ситуацию.

Максим открыл котомку, взял кота на руки, заглянул ему в глаза.

– Спасай, Рыжий! Нам домой надо, домой! Понял? Веди нас к тому чёрному камню, что мы видели. Понял? К Чёрному столбу!

Кот мяукнул.

Максим опустил кота на землю, шагнул вперёд.

– Нам туда, понял?

Кот вытянул вперёд морду, лоя дрожащими ноздрями запахи, и устремился мимо зарослей колючего кустарника, напоминающего акацию, в просвет между деревьями.

Максим последовал за ним. Остальные заторопились следом.

Шли таким манером всего минут двадцать, не больше.

Кот бежал вперёд уверенно, обходя лишь огромные ели, заросли кустарника и высокой, чуть ли не в рост человека, травы. К удивлению компании, на пути не встретилось ни одного упавшего дерева, ни одной кучи валежника, хотя в Комягинском лесу этого добра хватало.

Наконец впереди высветилась прогалина в чащобе. И, ещё не выйдя на поляну, Максим интуитивно ощутил, что кот привёл их к Чёрному столбу.

Выбрались на край поляны, потные и разгорячённые, глядя на высившуюся в центре скалу.

– Что б ты... – начал в сердцах Дима.

– Заткнись! – одёрнул его Фенер. – Нельзя его сердить! Он не виноват. Наоборот, милости просить надо, чтобы выпустил домой.

– Что теперь? – выдохнула Варвара.

– Не знаю, – поскрёб затылок Илья. – Надо было у Маляты спросить.

– Давайте подойдём ближе, мысленно объясним ему... – начал Максим.

– Кому?

– Ну, по сути, это сторож границы...

– Пошли, – скомандовал Олег.

Максим взял заурчавшего кота на руки, поцеловал в холодный нос.

– Спасибо, Рыжий! Всю сметану дома отдам!

Пересекли поляну, путаясь в густой траве, не сохранившей ни одного следа их недавнего пребывания у скалы. Постояли в молчании у чёрного, с искрой, монолита.

– Ну, и что дальше? – поглядел на Максима Илья. – Пускай кота.

Максим выпустил, но кот зашипел и полез по его ноге вверх, цепляясь за штанину острыми когтями. Пришлось снова взять его на руки.

– Не хочет? – удивился Дима.

– Он свою миссию выполнил, – сказал Олег задумчиво. – Ну-ка, парни, давайте ориентироваться по нашим приметам. Солнце пошло к закату, значит – там запад, в обратке – восток, нам примерно туда. Комягино в той стороне. Я правильно рассуждаю?

– Вроде бы так, – согласился Илья.

– Потопали.

Двинулись прочь от скалы, стараясь идти по прямой, и уже через несколько минут почувствовали облегчение. Напряжение, владевшее всеми, стало спадать, будто с душ путешественников упал огромный валун. Дима Бушуев даже засвистел, пока Олег не посоветовал ему «заткнуть фонтан».

Ещё через полчаса вышли на знакомую тропинку, словно вынырнувшую ниоткуда.

– Уф! – с облегчением сказала Варвара, вдруг обнаружив, что забыла свою корзину у Чёрного столба.

– Можем вернуться, – предложил Максим.

– Ой, только не туда! – изменилась в лице девушка.

– Ну, теперь по грибы? – спросил Илья.

На него посмотрели как на сумасшедшего.

– Домой хочу, – жалобно сказала Варвара.

– А я бы сюда ещё разок наведалься.

– Псих! – сказал Дима. – А если бы мы там остались, в этой твоей тьмутараканской параллельной реальности?

– Ну и что? Представляете, сколько нового узнали бы? Вообще на Земле много таких мест, где существуют проходы между измерениями, нам повезло, что мы наткнулись на один.

– Да уж, повезло.

– Идём в Комягино, – решил Олег.

– А что мы скажем, вернувшись без грибов?

– Что мы вообще скажем, где были, – проворчал Олег, посмотрев на кота на руках Олега. – Вот кому памятник ставить надо! Он нас вывел! Я для него тоже сметаны не пожалю.

Кот полез по груди Максима, ткнулся носом ему в шею и сказал «мя».

Ярослав Веров Монохромный охотник

*Луна – она растет и стареет.
А я – только старею...
Зато я могу улыбаться.
И умею долго и мучительно умирать...*

Лучик 1

«Хижина»

Он сидел на скамейке перед камином и вырезал Белого Однорога. Это было забавно – смотреть, как оживший Однорог по пути к Выходу прямо на глазах превращался в кого-нибудь другого. В Торопыгу или Носастого, а иногда в Попрыгая. Это было и смешно и грустно. Смешно потому, что, шагая по Полочке, он забавно подпрыгивал, чухался и кружился на месте. У него вырастали новые лапы и хвосты, он покрывался костяным панцирем или начинал хлопать перепончатыми крыльями, он водил в разные стороны, принохиваясь, большим носом, в который превращался его рог. Но никогда не оставался самим собой – Белым Однорогом. И это было очень грустно.

Грустно потому, что Однорогов в Пятне всего несколько. Он их знал, и они его знали. При редких встречах Белые Однороги величаво кивали ему огромными головами и уходили. У них были заботы, к которым он – Белый Охотник – не допускался. Он всегда немного робел при таких встречах. Непроизвольно поднимал ствол Ружья в небо и слегка приседал, опуская голову. И никогда не стыдился этих Знаков Почтения.

Они издавали Чувство Любви, и их было всего несколько.

Вот и сейчас, заканчивая вырезать хвост, он гадал, во что тот превратится. Он знал: ваять того, кто выше тебя, – занятие глупое и чреватое. Но ему очень хотелось, чтобы Однорогов стало больше.

На Полочке почувствовалось шевеление. Охотник отложил в сторону незавершенную работу. Оживление, Дорога к Выходу, Таинство, которое он не понимал, но которым не переставал любоваться.

Пришли Сроки Шестокрыла. Охотник вырезал его семь Циклов назад, когда прилетевший Черный Вой сожрал их полтора десятка, прежде чем с ним было покончено. Вой упал в куст Круглолиста, так что резать Шестокрыла было из чего. «Странно, – в который раз думал Белый Охотник, – каждый раз, когда Черный Монстр прорывается через Серое, он наносит вред. И он же ломает ветви, мнет кусты – делает все, чтобы у меня был материал для работы. Может, для этого я здесь?»

А на Полочке Шестокрыл неторопливо полз к Выходу – окошку в стене Хижины. Он бугрился шишечками, которые набухали и разрывались, испуская зеленоватые облачка Чувства Веселья, и из них вываливались маленькие Шестокрыльчики. «Три... Семь... Двенадцать... Двадцать два», – считал про себя Охотник и радовался, потому как через Выход его Хижину покинуло на семь Шестокрылов больше, чем сожрал Черный Вой. Значит, Пятно

стало чуточку шире. Значит, Серого стало чуть меньше. «Эх, знать бы заранее, сколько их Выйдет, – думал Охотник, снова принимаясь за Белого Оленорога. – Почему сегодня их Вышло двадцать два, а в прошлый раз всего трое? А ТОГДА и вовсе ни одного».

И Охотник снова увидел ту картину, когда в Положенный Срок фигурка Шестокрыла не ожила, осела кучкой белых стружек, оставив только Чувство Пустоты. Потом стружки питались в Полочку, а Чувство Пустоты Охотник слышал и сейчас.

Он снова принялся вырезать. Золотые языки пламени плясали в камине, отбрасывая блики на внутренность Хижины, Хижины Белого Охотника.

Блики весело играли в сказочную игру красок со столом и бревенчатыми стенами, на которых проступали коричневые разводы годовых колец, с вороненым масляным блеском ствола Ружья, заботливо поставленного в угол, и темно-зелеными боками Зарядного Ящика. Они стремительно пробегали по картинам, развешанным по стенам, и от их прикосновения, казалось, Черные Чудовища и Белые Животные оживали и наполнялись Жизнью и красками, которых не увидишь за стенами Хижины. Блики скакали по Белым фигуркам, вырезанным Охотником и расставленным по Полочке, путались в зелено-блескучем облачке Чувства Веселья, оставленном недавно Вышедшими Шестокрылами. И единственно, чего блики сторонились, – размытого пятна Чувства Пустоты на краю Полочки. Того самого места.

Ну и, конечно же, они, неугомонные, носились по самому Охотнику: безжалостно топтали волосы, играли мускулами рук, заполняли глаза. И только прикасаясь к ладоням – замирали. Блики расцветивали Хижину, но, касаясь фигурки, которую резал Охотник, становились пятнами Белого Света. Такого же, как свет из окна.

Такого же, как сама фигурка.

Пламя рождало блики. Пламя издавало Чувство Тепла и Покоя, к которому Охотник давно привык и которым, тем не менее, очень дорожил.

Охотник закончил работу, отложил в сторону нож и залюбовался фигуркой, осторожно держа ее на ладонях.

Резал из дерева он мастерски. И особенно получались у него Оленороги. Потому как старался он повторить каждый изгиб, каждую складку, каждую, пусть даже самую незначительную, мелочь.

Потому, что не было ничего дороже их.

Казалось, даже блики пламени перестали скакать по Хижине и тоже любовались фигуркой. Казалось, вот сейчас маленький Белый Оленорог зашевелится, моргнет задумчивыми золотистыми глазами, поведет рогом и спрыгнет с ладоней. Казалось, он даже издает Чувство Любви...

Но нет. Это просто свет из окна. Это просто шевеление ладоней, уставших от работы. Это просто маленькая деревянная фигурка.

Охотник вздохнул и осторожно поставил фигурку на Полочку, рядом с Чувством Пустоты, которое слышалось сейчас особенно остро.

Он немного подумал и по лестнице полез на чердак за Биноклем. Время Сна еще не закончилось, а фигурку он уже вырезал. Захотелось побродить. Да и на Серое он давно не смотрел. Может, получится пару капканов поставить. Да и Краска почти закончилась.

Охотник достал из ящика изрядно запылившийся Бинокль, повесил на пояс мешочек для Краски, зачехлил три капкана. Спустился и взял Ружье. Достал из Зарядного Ящика свои обычные четыре обоймы – осколочную, бронебойную, зажигательную и фугасную. Посмотрел еще раз на фигурку Оленорога и толкнул дверь.

Лучик 2

«Пятно»

Каждый раз, открывая дверь, он замирал на Пороге. Стоя на Пороге – наполовину в Хижине, наполовину Вне, – он всякий раз чувствовал свою раздвоенность. Та его часть, которая в Хижине, была живой, многоцветной. А та, которая Вне, – белой. Чисто белой. Местами чуть светлее, местами немного темнее, но везде – белой. Граница цвета проходила прямо через тело Охотника, и в этот момент он не смог бы точно сказать – какая его часть более нереальна. Даже блики, вырываясь из Хижины, плясали на земле перед Порогом светлыми пятнами.

Словно цвет кончался на Пороге.

А может, так оно и было.

Цвет был заперт в Хижине. Но Белый Свет через окно падал на стол Охотника белым квадратом.

Охотник снова вздохнул и пошел к Границе Пятна.

Мир был разделен на два цвета – Белый и Черный. В Белом мире росли белые деревья, текли белые реки, бродили белые звери и летали белые птицы. В Черном все было черным.

Между Черным и Белым мирами пролежала ничейная полоса, межа, мир Серого. Ямы и камни, холмы и овраги. Ни кустика, ни насекомого.

Скорее всего – весь Мир был Серым. И на этом Сером разбросаны Черные и Белые Пятна, между которыми шла непрестанная война. Война за Серое.

Пятно Белого Охотника было не очень большим. Когда он впервые это осознал, то ему стало не по себе. Маленькое пятнышко Белого на огромных просторах Серого – есть над чем задуматься. Тем более что через Серое со всех сторон лезут Черные Монстры, от которых свое Пятно нужно любыми силами защитить, – есть от чего впасть в отчаяние.

Но дело делалось, и на отчаяние времени не хватало.

А потом пришла Мысль. «Раз есть Белое Пятно, – говорила Мысль, – значит, должно быть и Черное. Но почему их должно быть по одному?»

И появился Бинокль.

Он представлял собой равнобедренный треугольник, в вершинах которого находились окуляры. Его было удобно положить на нос, и тогда можно смотреть, не помогая руками.

Он сам наводил резкость. В окулярах были крестики и дальномерная сетка. Кроме того, маленький индикатор мерцал цифрами расстояния и пульсировал точкой, когда в поле зрения попадал живой или движущийся объект.

Бинокль был очень удобен. Но для Охотника – практически бесполезен. Черных Монстров Охотник слышал по издаваемым ими Чувствам. Однако через Бинокль Охотник впервые увидел Соседние Черные Пятна. И далекое Соседнее Белое Пятно. До Соседнего Черного Пятна Бинокль показал полторы тысячи шагов, до Соседнего Белого индикатора не хватило.

И самого Пятна видно не было. Только верхушки белых деревьев, торчащие над горизонтом, да реющую над Пятном едва различимую точку Белого Большекрыла.

Вокруг Пятна Охотника было Три Соседних Черных. А Белое только одно. Далекое, недостижимое.

И еще одним интересным свойством обладал Бинокль – он не мог пробиться через Порог. Индикатор мельтешил цифирью, а в окулярах виднелся снег. Снег падал монотонно и размеренно, не усиливаясь, но и не переставая. «Откуда я знаю, что такое – снег? – думал

Охотник, иногда наводя Бинокль на Порог. – Я ведь ни разу его не видел. Хотя знаю, что еще бывает и дождь. Где бывает? Это что-то связанное с небом?»

Охотник смотрел на небо и видел всегда одно и то же – яркую Белую Луну, окруженную золотым ореолом, на одной стороне неба, и круг Черной Луны, окруженной красной короной, – на другой стороне. Само небо было Серого Цвета. Может, чуть светлее. «Желтое и красное – золото и медь, – думал Охотник. – Откуда это?»

Обе Луны излучали. Белая – Белый Свет, Черная – Черный. От этого все имело две тени – светлую и темную. Эти тени, как разведенные в стороны руки, никогда не касались друг друга.

Может, одна не знала о существовании другой.

А может, они боялись этого знания.

Золотой ореол и красная корона лун – два цвета во Вне. Но на Мир эти цвета не влияли. Мир был черно-белым, монохромным, и ничто не могло его изменить.

Цвет лун смущал Охотника. Ему было странно, что он видит эти два цвета, а Мир – нет.

Однажды Охотник навел Бинокль на Черную Луну. И увидел через окуляры красный круг. Индикатор показал ноль. Охотник посмотрел на Белую Луну и увидел желтый круг. И тоже – ноль. Он протянул руку и увидел, что Луна находится между рукой и окулярами.

Бинокль отправился на чердак.

Сейчас, подойдя к Границе, Охотник посмотрел в сторону Первого Черного Пятна. С этой стороны он слышал сильное Чувство Угрозы, тут он собирался поставить капканы. Если их примет Серое.

Само по себе Серое должно было бы представлять что-то неопределенное, безразличное, которое обретало Чувства и Смысл, только становясь Белым или Черным. Но иногда оно проявляло непонятные Охотнику свойства, наполнялось едва уловимым Чувством Беспорядка. Тогда поставленные капканы просто впитывались в почву.

А ставить их на Белом Охотник не мог.

Для пробы Белый Охотник взял маленький камень со Своего Пятна и, бросив его на Серое, стал наблюдать.

Странное зрелище – маленькое Белое на необъятном Сером. Потом Белое стало постепенно сереть, пока не слилось цветом с окружающим пространством. Но камень остался лежать.

Охотник отошел от Своего Пятна шагов на пятнадцать и установил капканы.

Когда он ходил по Серому, он тоже чувствовал свою нереальность. Особенно когда смотрел на Свое Пятно с этой стороны Границы. Свое Белое Пятно всегда казалось далеким, зовущим. Казалось, что оно удаляется.

И с Серого Охотник возвращался бегом.

После перехода Границы он тщательно стирал серую пыль со своих сапог, не желая марать Свое Пятно. Это было скорее ритуалом, чем необходимостью, но Своим Белым он дорожил.

Очистив сапоги, Охотник направился за Краской.

Лучик 3

«Краска»

Красками Белый Охотник рисовал Картины. Когда он решил рисовать, то Пожелал этих самых красок, потому как знал, что они существуют. И заглянул в Сарай Желаний. Красок

там не оказалось. Это могло значить одно из двух – либо Охотнику это недоступно, либо все необходимое придется искать во Вне.

Последнее и подтвердилось.

Сначала он нашел Белого Холстороста. Растение Его Пятна росло большими белыми листьями. Эти листья оно изредка сбрасывало, и если Охотник в нужное время оказывался в нужном месте, то у него была возможность донести лист до Хижины. В Хижине листья в почву не впитывались. Почему-то.

И оставались белыми.

Потом Охотнику потребовались Кисти.

Много Циклов он бродил по Своему Пятну, не находя ничего, что могло бы послужить кистью. Это было еще в Раннее Время, когда он только начинал изучать повадки и образ жизни не только Черных Монстров, но даже Своих Белых Животных.

Он еще многого не знал.

Однажды Белый Охотник встретил на полянке небольшое стадо Толстошерстов, маленьких пушистых зверьков. Они издавали Чувство Нежности, резвясь на мягкой траве поляны. «А шерстка у них мягкая, как пух, – подумал тогда Охотник, глядя на Толстошерста, который отделился от своих и скакал прямо к нему. – Хорошая получилась бы кисть».

Толстошерст посмотрел ему в глаза, ласково потерся о грубую шершавость сапога. Охотник присел, погладил Толстошерста. И обнаружил полную руку шерсти. Пока он рассматривал шерсть – Толстошерста как не бывало. Охотник посмотрел на стайку и не смог определить, какой же из них приходил.

Толстошерст, наверное, просто линял.

Просто линял для него?

Или просто линял для его Кисти?

Охотник бережно собрал все волосинки и спрятал за пазуху. Это было в самом начале Цикла Охоты, и, возвращаясь в Хижину, Охотник особо не надеялся, что шерсть не исчезнет.

Но она не исчезла. «Мягкие, словно беличьи, – думал Охотник, мастера из волосков Толстошерста себе Кисти. – Беличьи?»

И вот – Кисти есть, холст тоже. Нужны краски. А какие могут быть краски в монохромном мире? Только – Белая, и только – Черная.

Так он тогда думал.

Но оказалось иначе.

Однажды он проходил берегом реки и залез в какую-то белую грязь. На том берегу Черный Бронеспин топтал и пожирал заросли Белого Колышуна, источая во все стороны Чувство Ненасытности. Поэтому задумываться о грязи Охотнику было недосуг.

Вспомнил, только вернувшись в Хижину. Когда, усталый, сиделся перед камином, то заметил, что сапоги переливаются всевозможными цветами. Это и была та самая грязь.

Краска.

Она была Единственной, но ее хватало на все.

Когда Охотник смачивал Кисть в Жидкости Реки и касался ею Краски, она снова начала переливаться всеми цветами. Она лучилась, сверкала, блестела. Казалось, что она сама светится. Что она сама несет в себе этот Цветной Свет.

Но она не издавала никаких Чувств.

Только Краска и Жидкость Реки не издавали Чувств в этом Мире.

Зато Краска меняла цвет в зависимости от того, какие Чувства ей произносил Белый Охотник.

Довольно забавное зрелище – держать в руке Кисть с Краской, произносить Чувства и наблюдать, как Краска меняет цвета. В принципе, можно было и не стараться, рисуя Картину. Можно просто равномерно покрыть холст Краской и, пока она не высохла, произнести

Чувство того, кого Охотник желал изобразить. И Краска сама в нужных местах стала бы нужного цвета.

Но Охотник не умел и не хотел уметь произносить в чистом виде Чувства Черных.

И Охотник не любил так рисовать.

Он сначала произносил Краске Чувство, а потом этим Чувством рисовал. Затем менял Чувство и делал новые мазки. И так до тех пор, пока с холста на него не взирал очередной Черный Монстр.

Лучик 4

«Белый Однорог»

Белый Охотник рисовал Картины Черных Монстров.

Белый Охотник терпеть не мог этих Монстров. И когда у него появилось все необходимое для рисования, то он тут же и нарисовал свою первую Картину. На ней был изображен Белый Шуршун, маленький приятный зверек, который излучал Чувство Романтического Шороха, откуда-то знакомое и любимое Охотником. Ему эта Картина так понравилась, что он даже не связал ее с тем, что в следующий Период Охоты Черный Хрю сожрал двоих Шуршунов.

Тогда Белый Охотник просто очень расстроился.

Следующей была картина Белого Землероя.

И троих Землероев затоптал Черный Зубонос.

Охотника это еще больше расстроило. Но его всегда расстраивало, если не удавалось спасти Жизнь Своему Белому Животному. А нарисовать Белого Однорога очень хотелось.

Однорог получился просто замечательным. Толстые лапы, бугристый хвост, массивная голова на короткой шее, длинный белый рог. Даже Чувство Любви было.

В следующий Период Охоты он едва успел выйти из хижины, как понял: происходит что-то непоправимое. Охотник рванулся в сторону Границы, на ходу заряжая все четыре обоймы.

Всегда он заранее знал, с кем предстоит схватиться. Отчасти из-за Чувств, которые издавали Черные Монстры, переходя Серое, отчасти из-за чего-то, напоминавшего интуицию. И Ружье было заряжено соответственно необходимости.

На этот раз он впервые не знал, что ему зарядить, и зарядил все четыре. Рука сама поставила огонь на чередующийся, когда заряды берутся из всех обойм по очереди.

Когда он выскочил на Границу, то увидел зрелище, которое теперь уже никогда не сможет забыть: перед Границей стоял в Белом Сиянии Чувства Любви Однорог. Со стороны Серого против него стояли ДВА Черных Рогоносца. Они были сплошь усеяны рогами, окружены Мерцанием Чувства Ненависти, и Серое под их лапами стремительно становилось Черным.

Охотник сильно струхнул. Попади он сейчас в такую переделку – он и сейчас бы струхнул.

Он поднял Ружье и тут же понял, что это бесполезно. Нет у него таких зарядов, которые смогли бы не то чтобы уложить, хотя бы поранить Рогоносцев. Оставалось просто стоять и смотреть на поединок.

А Однорог слабел. Это было хорошо видно. Он напрягал мышцы, стараясь не упасть, водил головой от одного Рогоносца к другому, и Охотник вдруг вспомнил свою Картину. Вспомнил и две предыдущие, и погибших Животных. И понял, что участь этого Однорога он решил еще в Цикл Сна.

И Охотник рванулся вперед. Он встал перед Однорогом, ничего не соображая из-за навалившегося Чувства Ненависти. Оно было бесконечно, оно пронзало насквозь, рождая во всем теле Охотника Чувства Паники, Страха и еще чего-то, против чего он не должен был устоять. И эти Чувства были предназначены Белому Однорогу, а не Охотнику. Его они касались только краем.

Сразу стали бессильно подгибаться ноги, Ружье налилось тяжестью и норовило выпасть из рук, глаза закатывались.

Охотник закричал. Он кричал Чувство Обороны, Чувство Жертвы, еще какие-то Светлые Чувства, которые уже и не вспомнить. Он уже не надеялся ни на что.

Просто был Однорог.

Просто его нельзя было отдать Рогоносцам.

Просто ИНАЧЕ было нельзя.

Когда Охотник пришел в себя – ему было очень плохо. Он огляделся по сторонам и увидел, как двое Однорогов осторожно подняли обессиленного, но живого третьего, чтобы отнести в глубь Пятна.

Раненый Однорог открыл глаза и посмотрел на Охотника. Охотник из последних сил подполз к нему и прошептал Чувство Вины.

Что еще он мог сделать?

Однорог не то чтобы понял его. Охотнику показалось, что Однорог все знал еще до схватки. Он бессильно закрыл глаза, и его унесли.

И лишь едва уловимое Чувство Любви долетело до Охотника.

Только тогда он понял, чем все должно было закончиться. И для него, и для Однорога, и для всего пятнисто-монохромного Мира.

Охотник снова лишился осознания.

И больше не рисовал Своих Белых Животных.

Никогда.

Потому, что они ему были очень дороги.

А сейчас он набрал в свой мешочек Краски и недалеко от воды примостился на старом пеньке Белого Груболиста. Когда-то дерево свалил прорвавшийся через Реку Черный Древод. Но пенек, как ни странно, – остался.

Охотник положил на колени Ружье, посмотрел на блестящую Жидкость Реки и вдруг стал вспоминать.

Лучик 5

«Нисхождение»

Как и откуда он здесь появился – Охотник не знал. Если кто и знал ответ на этот вопрос, так это были Белые Однороги. А у них не спросишь. По крайней мере, Охотник этого не мог.

Просто существовал в Мире миг, точка, когда возник Охотник. Что было с Миром до этого – он не знал. Что было с ним самим до этого – он тоже не знал. Просто с какого-то мгновения он был.

Сидевший на пеньке Охотник прутиком нарисовал на песке две перпендикулярные линии. Вертикальная ограничивала горизонтальную.

Это был луч Света, исходящий из чего-то и теряющийся вдали.

Это было Чувство, сказанное кем-то и доступное всем.

Но это не была жизнь Охотника.

Он нарисовал еще одну вертикальную черту, ограничив второй свободный конец горизонтальной.

Вот теперь это была Жизнь. С Точкой Входа и Точкой Выхода.

Смерть. Откуда-то он знал, что это такое и что она есть. Это не та смерть, которая настигает Монстров и Его Животных. Они впитываются в почву, и это не есть смерть. Но они и не появляются из ниоткуда, как он. И Охотник вспомнил свое нисхождение.

Его осознание в один прекрасный (прекрасный ли?) миг включилось, и он стал. Он стоял недалеко от Границы, около небольшого Белого Холма, рядом лежало Ружье, а на него шел Черный Зубоскал, окатывая Чувством Зависти. Много думать было просто некогда, он схватил Ружье, дослал обойму и, не целясь, выстрелил.

Потом ему было страшно как плохо. Его мутило так, что осознание иногда отключалось, щадя его. Он в полунеосознанном состоянии бродил по Пятну, пока не наткнулся на Хижину. Он почему-то сразу понял, что это Его Хижина.

Тогда он вошел в нее, бережно поставил Ружье в угол и упал прямо на Пороге.

Сколько он так пролежал – не имело значения, потому что Времени как такового здесь, скорее всего, и не было. Он знал, что, вообще говоря, оно где-то существует и имеет большое значение. Но он не знал, где это «где-то». В голове была какая-то Область Подсказок, которая иногда давала какие-то странные Слова. Он пытался над ними задумываться, и Область с некоторой задержкой подбрасывала ему Чувство, соответствующее этому Слову. Это что-то объясняло, но объяснение было похоже на еще одно, Следующее, Слово. И так могло продолжаться очень долго. Но на это не хватало того самого странного Времени. Было некогда. Да не очень-то и хотелось. Потому как пользы от этого не было никакой.

Он очнулся, оглядел Свою Хижину и встал в полной уверенности, что он – Белый Охотник. Это было законченное Чувство, которое наполняло Хижину. Оно никем не произносилось, ничем не излучалось. Оно просто было. Как был он – Белый Охотник.

Позже ему казалось, что он сам произносил это Чувство.

Но откуда ему было знать это Чувство?

Тогда он взял Ружье, четыре обоймы и вышел за Порог. Он даже не заметил странных свойств Порога, потому как сам монохромный Мир был полон странностей, которые он не понимал. И было Ружье, которое тяжелило руки.

Ружье было своеобразно. Как только Охотник его взял, он умел им пользоваться. И хотя, в принципе, имелось множество версий, куда и какой стороной его прикладывать и откуда стрелять, тем не менее он не ошибся. И Зубоскала уложил одним зарядом.

Хотя что-то ему говорило, что он никогда Раньше этим не занимался. Даже До.

Даже До.

Белый Охотник поерзал на пеньке и неуверенно продолжил левый край горизонтальной полоски за пределы ограничивающей ее вертикальной линии. Потом немного подумал и то же самое сделал с правым концом.

Хотя и не понял – зачем.

Смерть – не смерть? Рождение – не рождение?

Он временами вспоминал Белый Холм, возле которого нашел Ружье и убил Черного Зубоскала. Это не был холмик, остающийся после того, как Белого убьет Черный и тот впитается в почву.

Это было что-то другое.

Хотя через пару Циклов Белый Холм тоже исчез. Сровнялся.

Он был Здесь не первым? А почему он должен быть Здесь Первым? Да и вряд ли Последним. Но что было До и что его ожидает После?

А тогда, Раньше, ему было ужасно плохо, но он все равно выходил на охоту. Это было его дело. Для этого он здесь стал.

Лучик 6

«Охота»

Свою первую охоту он запомнил навсегда. Иногда, закрывая глаза, он мог снова и снова видеть эту сцену. Даже больше – он мог управлять действием, изменять какие-то вещи, незначительные действия обеих сторон. Но результат всегда оставался прежним.

Черный Многохвост топтал Белого Попрыгая. Он яростно вгрызался в Попрыгая, прыгал на его беспомощном тельце, бил по нему длинными тяжелыми хвостами, громко издавая Чувство Жестокости. Он забавлялся. На его пасти и когтях лап блестели золотые капельки. «Золото», – подумал тогда Охотник, направляя Ружье на Многохвоста, но видя только капельки.

Первым пошел бронебойный. Он вспорол панцирь Черного Многохвоста, оставив после себя дыру, в которую пошел зажигательный. Внутри Многохвоста вспыхнуло нестерпимо яркое белое пламя. Оно прорывалось сквозь стыки костяных пластин, озаряя все вокруг. Потом Многохвост опал безвольным костяным каркасом, превратившись в черный холмик.

Рядом с белым холмиком.

Его окружали мелкие красные капельки, которые совершенно не к месту смотрелись на фоне Белого в окружении золотистых. «Медь, – подумал Охотник. – Золото и Медь».

Это были два цвета, которые он видел вне Хижины. Золотая и Медная Луны. Его кровь тоже была Золотой. Когда он узнал это, то даже не удивился.

Удивился он, когда захотел узнать – какое у него лицо.

Он сходил к Реке и набрал из нее Жидкости. Тогда он еще называл ее Водой, но позднее перестал. Что-то говорило ему, что Вода не такая. Он просто посмотрел в Реку, но ничего не разглядел, кроме трех золотистых кругляшков, в которых заподозрил свои глаза.

Он принес Жидкость в Хижину. Снова посмотрел, пытаясь обнаружить свое отражение.

Отражения не оказалось. Только глаза. Три теперь уже совершенно Золотых Глаза смотрели на Охотника из Жидкости. И слабый, едва различимый силуэт тела.

После этого эксперимента он увидел, что все Его Животные тоже в той или иной степени имеют Золото в Глазах. Сила Золота зависела, скорее всего, от их значимости для Этого Мира, для Его Белого Пятна, для чего-то большего.

Глаза Белых Однорогов были цвета Чистого Золота.

Они были Чище его глаз, Глаз Белого Охотника.

А у Черных были Медные Глаза. И Сила Меди тоже зависела от мощности Черного. Рогоносцы имели глаза Чистой Меди. Но и приходили они крайне редко. Для Рогоносцев и Однорогов противостояние носило позиционный характер, за исключением случаев, когда в обороне соперника вдруг оказывалась брешь.

Вроде Картины Белого Однорога.

Жидкость Реки обладала свойством отражать только Золото. Хотя на Краску это свойство не распространялось. Скорее из-за свойств Краски.

Один раз Охотник заходил на Серое и там смотрел в Жидкость Реки. И там она отражала только Золото Глаз, но силуэт тела был другим. И руками загородиться от Золота было невозможно. Но Серая Жидкость отражала и Медь.

Однажды Охотник посмотрел в Бинобль в Реку. Опустил его прямо в Жидкость. И увидел Ночь. И Звезды. Золотые и Медные. Мир, разделенный на Золото и Медь.

Сама Ночь была непроглядно темной, но не Черной. И не Серой. И не было в ней ни капли Белого.

И снова Охотник ничего не понял.

Лучик 7

«Белые Животные и Черные Монстры»

С самого начала он не знал ни одного Названия. Он видел Своих Животных, он встречался с Черными Монстрами. Но он не знал их Имен. И потому решил сам давать им Имена.

А позже понял, что его Имена важны только для него самого.

Своим Белым Животным он давал Имена для того, чтобы к ним можно было обратиться. Чтобы можно было мысленно с ними разговаривать.

А Черным он давал Имена потому, что был твердо уверен, что Черных необходимо, просто почему-то очень важно, знать по Именам. Что называя их Имена, связывая эти Имена с Черными Чувствами, он кому-то помогает разобраться в этих Чувствах. Кому-то не отсюда, не из Белого Пятна. Это что-то было связано с Серым, но более подробно Охотник понять не мог. Он просто знал, что так необходимо.

Своих Белых Животных он называл ласковыми Именами. Охотник встречал какое-нибудь Животное, которое раньше не видел, и тут же придумывал ему Имя. В эти моменты Животные останавливались и, казалось, участвовали в Именовании. Но они не подсказывали Имен. Скорее выражали свое отношение к тому Имени, которое Охотник им придумывал.

Те самые Шестокрылы, когда Охотник впервые с ними встретился, замерли целым роем неподалеку от него и стали ждать.

«Мошкаррики», – подумал Имя Охотник.

Слабое шевеление.

«Не понравилось, – подумал Охотник и предложил другое: – Мельтешуны».

Опять не понравилось. Но из роя вылетел один и подлетел прямо к глазам Охотника. И вдруг растерялся. Он заметался перед глазами Охотника, явно стараясь определить, какой же из его трех глаз самый главный, Смысловый. Но так и не понял и замер перед носом Охотника.

И Охотник вдруг четко различил все шесть крылышек этой малютки. «Иди сюда, чудо мое шестокрыло». – Охотник сложил перед Шестокрылом вместе все свои ладони.

И едва устоял на ногах от обрушившегося на него Чувства Веселья, которое издал весь рой, рванувший к нему.

Они все разом бросились и облепили всего. Кружились над головой, доверчиво садились на ладони и топили в сверкающем облаке Чувства Веселья.

Белые Животные. Его Белые Животные. Он их всех называл так, хотя знал, что Шестокрылы и Большекрылы – не животные.

Что-то другое, имеющее иное название, но тот же смысл.

Хотя нет – разница в смыслах была.

Но не было смысла в этой разнице.

А вот Черные называли себя сами. По крайней мере, Белый Охотник никогда не мучился, пытаясь дать им Имя. Имя само приходило в тот самый миг, когда он направлял на них Ружье.

Они, эти Черные, были отвратительны. От одного их вида Охотнику становилось невыносимо плохо. Не говоря уже о Чувствах, которые Черные издавали. Чувства были еще более отвратительные и мерзкие, чем сами Монстры.

Когда Охотник впервые встретился с Черным Слизняком, то даже сначала растерялся, потому как Слизняки пришли целой оравой. Они ползали по Белой траве, кустам, старались вскарабкаться на деревья. Везде они оставляли слизь. И даже не они сами, а именно эта слизь издавала Чувство Тщеславия. И из-за этого Охотник и растерялся.

Обычно Черное Чувство и его источник были соединены. И уничтожая источник – уничтожалось и Чувство. А тут было разделение.

Он расстреливал их фугасными. Яркие белые вспышки рассеивали, испаряли Слизняков, превращали их в пыль, в туман. Но слизь осталась, и с ней бороться оказалось несравненно сложнее. Ее нельзя было вытереть, потому как она размазывалась еще шире. Она долго издавала Чувство Тщеславия, и все, чего это Чувство достигало, начинало сереть, чернеть, отмирать. Это Чувство было стойким, въедливым.

Потому Охотник ставил капканы, чтобы такие Черные, не издающие сами Чувств, попадались за Пределами Его Пятна.

Капканы были несложными фугасами, которые, взрываясь, заставляли Черных кричать свои Чувства.

Белый Охотник встал с пенька и пошел к Своей Хижине – отнести Краску. И вдруг понял, что больше охотиться ему в Своем Пятне не придется. «Буду охотиться на Сером?» – спросил он себя и вспомнил Встречу.

Лучик 8

«Медь»

В тот раз он почувствовал, что Время Охоты снова наступит очень не скоро. И Белый Охотник решил сходить «в гости» – к Черному Пятну.

Он сложил втрое листы Холстороста и обмотал ноги до колен. Взял Ружье и восемь обойм, хотя и понимал, что в этом нет особого смысла. Просто так спокойнее. И оно, спокойствие, происходило именно из самого действия – из того, как он брал, упаковывал, подпоясывался.

И пошел.

Все время, пока Охотник шел по Серому, он боролся с ощущением, что не сможет найти дорогу назад. Что ему предстоит вечно скитаться по Серому в поисках Своего Пятна. Именно Своего.

Хотя его белеющие в пыли Серого следы были отчетливо видны.

Как и протоптанная Дорога Черных, по которой Монстры шли к Его Пятну.

Когда он подошел к Черному Пятну, пришлось заткнуть уши кусочками Холстороста, чтобы не лишиться осознания от какофонии Чувств Черных Монстров. Он с трудом различал оттенки Черного на Пятне. Сначала все Пятно представилось ему одной монолитной Черной Стеной. Потом он смог различить деревья и кусты. Позже разглядел траву.

Все вроде бы было точно таким же, как и в Его Пятне.

Только Черным.

Только уродливым.

Деревья шевелили корявыми ветками, трава, больше похожая на мох, топорщилась закругленными стеблями, Жидкость Реки отражала блики Черного бездонной глубиной Черного Цвета.

И то тут, то там среди этой Черноты мелькали красные огоньки.

Когда глаза Белого Охотника привыкли и стали различать оттенки Черного, он разглядел, что это красноватые капли росы на траве, что это краснота глаз изредка пролетающих мимо мелких Черных, что это непонятные блики красного на поверхности Реки.

А потом пришел он.

Сначала из Черных зарослей выплыло четыре красных треугольника, и Белый Охотник привычно вскинул Ружье, но на спуск не нажал. Тот, похоже, произвел подобное действие, постоял и осторожно приблизился.

Черный Охотник. «Зачем он здесь? – подумал Белый Охотник. – Ведь Мои Животные не ходят в Черное Пятно. И почему же?»

И вдруг он понял ответ.

Есть Равновесие, понял Охотник. Черных больше, но есть Равновесие, которое Черные стараются нарушить в свою пользу.

И еще Охотник понял, что Черные обречены.

Именно потому, что пытаются нарушить Равновесие.

Именно потому, что нескончаемыми ордами ползут, летят, скачут в Его Пятно, неся в себе Черные Чувства.

Именно потому, что существует он – Белый Охотник.

Это же самое, видимо, понял и Черный Охотник. Резкое движение – и прямо в грудь Белому Охотнику ударила очередь. Она вырвалась, казалось, из самой глубины Черного Охотника, из середины квадрата, обозначенного отсветом четырех треугольных глаз.

Белый Охотник не защищался. Да он и не успел бы. Потому что знал – это бессмысленно.

Заряды Черного застряли между Охотниками и мягко осыпались на поверхность. Они не могли причинить друг другу вреда. Никакого. Они были разделены материальностью этого Мира. Его Духовностью. Его Душевностью.

Белый Охотник со спокойным интересом пронаблюдал, как осыпаются заряды Черного, а потом посмотрел на него. Тот был неприятно изменчив, словно перетекал из самого себя в себя же самого и обратно. Треугольники глаз бешено вращались.

«Да ты дурак, батенька», – посочувствовал ему Белый Охотник, повернулся спиной к Черному Пятну и неторопливо пошел. Целая гамма Чувств, издаваемых Черным Охотником, пыталась прорваться через затычки в ушах.

Но он уже не страшился этих Чувств.

Он подошел к Своему Пятну, вдруг перестав опасаться, что Оно от него убежит, канет в Сером. Они были связаны невидимой нитью, которую порвать никто не в состоянии. Кроме... «Хорошо, что с Рогоносцем не встретился», – холодная испарина выступила на лбу Белого Охотника.

И увидел Белого Однорога. Тот стоял у Границы Серого и задумчивым Золотом Глаз смотрел на Охотника.

И Охотник понял, что встретить Рогоносца он не мог. Просто не мог.

И еще он понял, что Чувство Любви, которое издавал Белый Однорог, намного глубже и многогранней, чем ему это казалось до сих пор.

И еще он понял, что Однорог его, крохотного и глупого Белого Охотника, чуть было не совершившего непоправимое, воюющего с Черными Монстрами в Цикл Охоты и вырезающего Белых Животных в Цикл Сна, что он его любит.

Белый Охотник остановился, поправил съехавший набок мешочек с Краской. Он помнил все до мельчайших подробностей, что происходило с ним во время «похода» к Черному Пятну. Но он не видел и половины того, что ему было тогда открыто.

И он с удивлением, словно впервые, огляделся.

Лучик 9

«Золото»

Перед взором Белого Охотника вдруг снова проплыли виды Черного Пятна. И он ясно осознал, что Черные деревья на самом деле не Черные, а Медные, просто кто-то посыпал их черной пылью. И что Медные деревья на самом деле – Золотые, только кому-то по непонятным причинам хочется видеть их именно в Цветах Медного.

И он увидел, что Его Белое Пятно на самом деле не Белое, а Золотое. На желтых лепестках сверкали золотистые капельки росы, коричнево-желтые деревья роняли желто-коричневые листья, которые неторопливо плыли по воздуху, переливаясь и искрясь Золотом прожилков. Белые Животные, Его, Белого Охотника, Животные, летали, прыгали, ползали и бегали по Пятну, сверкая и переливаясь Золотом перьев, ворсинок, усиков, коготков.

И удивляя Золотом глаз.

В их глазах было Золото Чувств.

Честность и Доброта, Веселье и Разлука, Грусть и Любовь. «Любовь?» – Охотник посмотрел по сторонам в поисках Однорогов.

Конечно – они были здесь. Все до единого. Они стояли полукругом и смотрели на него. Они его ждали.

Белый Охотник впервые за все время выпустил из рук бесполезное теперь Ружье и пошел к ним. К их глазам Небесного Золота.

И вдруг он понял, что они его любят. Все. От крохотной былинки у его ног до парящего над головой Большекрыла. Любят беззаветно, до самых краешков своей души, до самых кончиков своих хвостов и усов.

Ни за что. Ни почему. Ни ради чего.

И что он их тоже любит. И нет ничего во всем Мире сильнее этого Чувства.

Он подошел к Золотым Однорогам и сказал им:

– Здравствуйте, хорошие мои.

– Здравствуй, Золотой Охотник.

– Здравствуй, Добрый Человек.

И он почувствовал, что все Его Золотое Пятно, все, что его населяет, что на нем произрастает, все это – он сам.

И что Далекие Белые Пятна, которые он даже не смог разглядеть в Бинокль, – он частичка и их тоже.

И что весь этот Мир на самом деле освещен не двумя Лунами, а одной, Единственной, звездой. звездой, имя которой – Солнце.

И не стало Золотого Охотника.

И пришел новый Белый Охотник.

А на Полочке, задолго до Назначенного Срока, зашевелилась фигурка Белого Однорога. Она неуклюже переступала коротенькими лапками, водила из стороны в сторону головой, беспомощно ворочалась среди остальных Белых фигурок и цеплялась за них тоненьким Рогом, направляясь к Выходу.

Но она не превращалась в Попрыгая или Длинноуха.

Потому, что это был Белый Однорог.

Потому, что у него были Глаза Чистого Золота.

Потому, что он нес в Мир Чувство Любви.

Эдуард Шауров Пять копеек

Увесистый тусклый кругляш желтовато поблескивал на Витькиной ладони, будто выцветшее пятно солнечного света. Ребята, окружившие товарища тесным кольцом, с любопытством тянули шеи, переступали босыми пятками в нагретом песке дикого пляжа.

– А это точно оно? – спросила Янка, складывая губы трубочкой.

– Не «оно», а «они», – поправил Леха. – Учитель на уроке всегда говорил «деньги» – значит, «они».

– Если бы их было несколько, – возразил Тамирбек, – то были бы «они», а так, наверное, «она».

– «Денежка», – добавила Юйлинь.

– Называется «монета», – важно сказал Витька.

– Пять копеек, – с натугой прочел Леха, разбирая буквы старинного шрифта. – Интересно, это много?

– Достаточно, – уверил друзей Витька. – Дед говорил, что это очень ценная штука, надо полагать, и в древности на нее можно было много чего купить.

Ребята несколько секунд молчали, каждый смаковал про себя загадочное слово «купить». Учитель всего пару уроков назад рассказывал им про деньги. Информация была такой странной, такой непривычно-экзотической, что не сразу помещалась в голове. Зачем нужны были эти кругляши и как ими пользовались? Для чего подтверждать полезность работы, если работа полезна сама по себе? Учитель говорил, что за квалифицированную операцию платили много, а за простую – мало. Но какой тогда интерес обитателям мира денег совершать простые операции и как быть, если процесс состоит из операций разной сложности?

– Типа эту железку нужно было постоянно таскать с собой? – спросила Янка.

– Конечно, – уверил ее Витька. – Чтобы покупать товары и услуги. Раньше без денег никто ничего не делал. Нельзя было просто прийти в общественный магазин и взять, нужно было платить.

– Мозголом какой-то, – заметил Юкке.

– А че? Ашно! – радостно заявил Леха. – Допустим, неохота мне ковыряться в носу, говорю Тамирке: «Наковыряй мне пару козьяков, а я тебе денежку дам».

Тамирбек выразительно показал Лехе смуглый кулак.

– А если услуга стоит не пять копеек, а меньше? – спросила Янка.

– Отщипывать от монеты кусочек, – предложила Юйлинь, – каким-нибудь древним инструментом.

Все разом заулыбались и поглядели на Витьку, как на самого компетентного в вопросе.

– Ну, не знаю, – сказал Витька. – Если есть пять копеек, значит, были и четыре копейки, и три.

– А откуда у твоего деда монета? – спросил Тамирбек.

– Витькин дед кол-лек-ционер, – сказала Янка. – Я смотрела про него ролик в новостях. У него целая коллекция старых вещей. Там показывали кофейник из первой марсианской экспедиции, нагрудные значки и древние-преддревние цифрики, у которых нужно тыкать пальцем в стеклянный экран.

– Музей какой-то, – сказал Юкке.

– Сам ты музей. – Янка нахмурилась. – Я же говорю: кол-лек-ция. А еще сказали, что Витькин дед специалист по старинной борьбе – самбо...

– Точно, – подтвердил Витька.

У его деда действительно имелась целая куча разных экспонатов. Он даже квартиру занял побольше, чтобы было куда поставить стеллажи и еще осталось место под мини-спортзал.

– Дед рассказывал, – Витька сделал страшные глаза, – будто эта монета жутко ценная и редкая, что сейчас на всей Земле их осталось штук сто, не больше, что когда-то, в период ресурсного кризиса, их переплавляли в мартенах.

– А можно потрогать? – осторожно попросила Юйлинь, ей хотелось узнать, что такое мартен, но она стеснялась.

– Трогай. Только дед говорил, что все деньги заражены древним проклятием. Они несут в себе бациллу конфликтов и войн.

Юйлинь испуганно отдернула тонкий пальчик.

– Да ладно тебе, – добродушно оскалился Витька. – Про бациллы – это фигура речи.

Все принялись трогать и рассматривать монету.

– И все равно я не верю, – сказал Юкке. – Не могла эта ерунда рулить всем миром, тем более нести в себе смертельные бациллы. Чужь какая-то.

– Что ты хочешь сказать? – Витька отобрал у Юкке монету. – Что я вру? Или что учитель врет? Или, может, мой дед не влетает?

– Не знаю, влетает он или нет... – упрямо сказал Юкке, – но все бациллы там давным-давно передохли. Это факт.

– Дурак ты, – сказал Витька.

– Сам дурак.

– А давай устроим эксперимент.

– Это как?

– А вот так! – Витькины глаза заблестели. – Сыграем в реконструкцию. На слабо. Кстати, ты мне крючишь одну игру еще с зимы? Не забыл?

Юкке насупился. Его широкое светлокжее лицо приобрело сосредоточенное выражение.

– Давай, – наседавал Витька. – Я тебя найму на работу! – Он показал кругляш монеты.

– Давай, – вдруг согласился Юкке.

– Пять заданий.

– Три.

– Фиг с тобой. Три. Прямо тут и сейчас. Все взаправду. От заданий не уваливать. По рукам?

– По рукам.

Две пацанячьи ладошки сухо стукнулись одна о другую. И оживленные зрители принялись занимать места среди песчаных барханов. В небе, совсем невысоко, пролетел двухчасовой авиограф, направлявшийся в Японию.

– Первое задание, – торжественно возвестил Витька, садясь по-турецки и подкидывая пятак на ладони. – Ты должен возвести нам замок готической архитектуры на четыре башни. Можешь приступить... – и добавил всплывшее в памяти слово из учебника, – смерд.

* * *

Янка украдкой заглянула в свой цифрик, затем, прищурившись, поглядела на солнце. День понемногу клонился к вечеру. На широкой полосе влажного песка, у края ленивого прибоя, не покладая рук трудился Юкке. Слегка высунув от усердия язык, он ловко орудовал формовочной лопаткой и пульверизатором с волшебным фиксаж-раствором. Две башни замка были уже готовы, третья и четвертая находились в процессе.

Леха зевнул и перевернулся на живот.

– Я не понял, – громогласно заявил он, тоже поглядев на цифрик. – Мы сюда приехали, чтобы строить замок. Так? Но замок строит один Юкке, а мы валяемся, как дураки, и на него глазеем. Мне, по факту, уже уныло.

– И мне, – поддержала Юйлинь.

Остальные высказались в том же духе.

– Ладно. – Витька, отряхивая трусы, поднялся с песка. – Эй, Юкке-смерд! – заорал он, пытаюсь соответствовать своей эксплуататорской роли. – Мы тут решили, что хватит тебе строить замок. Народ прокис на тебя глазеть. Вали сюда.

Юкке перестал оглаживать ладонью стрельчатую крышу, поставил пульверизатор в разрытый песок и пошел к зашевелившейся компании.

– Сейчас я придумаю тебе второе задание, – пообещал Витька.

Он огляделся по сторонам и радостно указал на маленькое стадо сцепившихся рулями гравипедов.

– Давай-ка, прокачай нам всем минусовые диски.

– Ты с орбиты слетел? – Тамирбек покрутил пальцем у виска. – Одному-то гравикую диски полтора часа качать. Нам здесь что, до ночи болтаться?

– Лично я свой гравик никому трогать не разрешаю, – агрессивно предупредила Янка.

Юйлинь согласно закивала.

– Ладно, – пробормотал Витька. – Тогда вот что. Принимай упор лежа и делай отжимания... сорок раз.

– Несерьезно, – сказал Леха. – Сорок раз Юк запросто сделает.

– Тогда восемьдесят.

Юкке мрачно поглядел на Леху. Он опустился на песок, уперся кулаками и принялся отжиматься.

– Раз, – начал считать Витька. – Два. Три. Четыре...

– ...Семдесят восемь... – азартно выдохнули сидевшие на корточках ребята. – Семьдесят девять...

Мальчишечье тело замерло над песком. Трицепсы выпрямленных напружиненных рук мелко подрагивали. Юкке сквозь стиснутые зубы втянул в себя воздух, упал вниз, замер в миллиметре от собственной горячей тени, повисел пару секунд, собираясь с силами, и, непроизвольно постанывая от напряжения, пошел вверх... Вверх... Вверх...

– Восемьдесят! – заорали все разом.

С трудом переводя дыхание и разминая ноющие мышцы, Юкке с победоносным видом встал перед Витькой.

– Давай третье задание, – потребовал он.

– Только выполнимое, – подсказал Тамирбек.

Выполнимое... Витька беспомощно огляделся. Какая-то дикая мысль вертелась в голове. Прищуренные глаза Юкке-смерда и четыре пары глаз возбужденных зрителей выжидательно уставились на эксплуататора.

– Снимай, – неожиданно для себя сказал Витька.

– Что? – не понял Юкке.

– Трусы снимай.

Светлые брови поползли вверх.

– Не слышал, что я приказал?

Лицо Янки вытянулось, серые глаза стали просто огромными.

– Неправильно, – встрял Тамирбек. – Снимать трусы – никакая не работа.

– Нет, работа, – решительно парировал Витька. – В старину были специальные клубы, назывались «стрип». Работники там раздевались, а капиталисты им за это платили деньги.

Мы через цифрик Лехиного брата смотрели на одном метасайте с узким доступом. (Леха неуверенно кивнул.). Так что все по правилам! Снимай, я говорю!

В воздухе повисла напряженная пауза. Пространство вокруг наполнила странная вибрирующая смесь ужаса, стыда и любопытства. И зрителям, и участникам разом захотелось броситься врассыпную, куда глаза глядят, но члены их сковала диковинная нерешительность. Они еще не понимали, что больше не руководят процессом, что это процесс руководит ими, вращая тяжелые жернова, давя, перемалывая.

– Или слабó? Соскочил, звонок? – крикнул Витька. – Сдулся?

Брови Юкке сошлись на переносице. Неловкими пальцами он взялся за резинку и потянул ее вниз. Скользнув по бедрам и коленям, трусы упали на песок.

Одно мгновение зрители потрясенно молчали, потом Янка развернулась и треснула Витьку ладонью по уху.

– Дураки! – крикнула она, подхватила с песка одежду и бросилась к гравипедам.

– Подожди, – крикнула Юлинь и побежала следом.

Юкке, кривя рот, натягивал трусы.

Потирая звенящее ухо, Витька смотрел вслед двум уносящимся прочь гравикам.

«Глупо как вышло», – растерянно подумал он и в тот же момент ощутил толчок в плечо.

– Давай деньги, – сказал Юкке, протягивая ладонь.

Витька неуверенно разжал кулак и поглядел на монету.

– Слушай, – пробормотал он, вдруг соображая, что не может просто так отдать пятак приятелю. – Мне же его нужно вернуть на место... Я же его на время брал...

– Ты сам сказал «все взаправду».

Витька совсем растерялся.

– Слушай, – протянул он почти жалобно. – Давай, ты поставишь мне взамен тысячу щелбанов. А?

– Плевал я на твои щелбаны. Я перед девчонками штаны на слабó снял. Гони монету. Это моя плата.

– А может... – несчастным голосом пробормотал Витька.

Он изо всех сил пытался сообразить, чего такого может предложить Юкке, такого, что тот не в силах получить сам, и не находил ответа.

– Вот, значит, как? – ядовитым голосом осведомился Юкке.

Качнувшись вперед, он неожиданно ударил снизу по Витькиной ладони и сцапал подлетевший в воздух пятак.

Витька на миг оторопел, а Юкке, отскочив назад, показал ему монету и сунул ее в кармашек трусов.

– Ах ты гад, – выдохнул Витька. – А ну, отдай.

– Фиг тебе! – закричал Юкке, пританцовывая на песке. – Ты купил мои услуги, и монета теперь моя. Ты мне заплатил!

– А ну отдай! – прорычал Витька.

– Пацаны, кончайте! – тревожно просил сзади Леха.

Подпрыгивая, Юкке зигзагами отступал назад. Витька пытался его схватить. Когда они оказались напротив выстроенного на влажном песке замка, он наконец изловчился, прыгнул на своего визави и вместе с ним опрокинулся на хрупкие готические башни.

* * *

Войдя в дедову квартиру, Витька на цыпочках пробежал прихожую, миновал просторную гостиную и осторожно приоткрыл двери кабинета, где утром взял пятак из шкафа с самыми ценными экспонатами дедовой коллекции. Витька искренне надеялся, что деда нет

дома, но мечты оказались тщетными. Антон Кузьмич сидел перед рабочим столом в раритетном кресле и разглядывал что-то через окуляр настольного сканера.

– Витя, это ты? – спросил он, не отрываясь от своего занятия.

– Привет, я на минутку, – протараторил Витька, соображая как бы просочиться к стеклянному шкафу. – Я – раз, – и убегу.

– Кхм, – сказал дед. – Это понятно, что убежишь. А ты не брал из шкафа мою монету?

– Эм-м, – промямлил Витька, и дед обернулся вместе с креслом.

Несколько секунд он пристально рассматривал понуренное лицо внука, затем, кашлянув, добродушно сказал:

– Красивый фингал. Где такой подцепил?

– Да так, не важно... Я тут это... пятак брал, ребятам показать, вот обратно принес. – Виновато вздохнув, Витька протянул деду желтый кругляш.

– Ребятам показать – это можно, только загодя меня предупреждать надо. Иди сюда.

Положив монету на стол, дед едва не силком усадил Витьку в кресло, ловко осмотрел синяк, расплывшийся под левым глазом, и ссадину на скуле.

– До свадьбы заживет, только нужно обработать, – сказал он бодро. – Я за аптечкой, а ты думай, что будешь врать насчет лестницы, с которой тебя сбил метеорит.

Дед вернулся через минуту с анаплеротическим спреем, и, пока состав, пузырясь, впитывался в исцарапанную кожу, Витька честно, без утайки рассказал о монете, о Юкке, о глупой игре и драке, умолчав, правда, про эскападу с трусами.

– А что же друзья ваши не вмешались? – спросил дед.

– Когда двое дерутся, третий не лезет.

Антон Кузьмич понимающе кивнул.

– Я его победил приемом, который ты мне показывал, – неуверенно сказал Витька.

Дед укоризненно пожевал губами.

– Самбо для обороны, – сказал он, – а не для нападения.

– Я не хотел драться, но и монету отдать не мог, – оправдываясь, объяснил Витька. – Что бы я потом тебе сказал?.. Я дурак... – добавил он уныло.

– Это я дурак, – Антон Кузьмич вздохнул. – Я старше тебя, и это моя вина.

Витька непонимающе мигнул.

– Иди-ка ты умойся, – сказал дед, убирая тюбик со спреем. – А потом ходим в одно место... И вот что, родители твои возвращаются запослезавтра, к этому времени синяк сойдет, и рассказывать им, пожалуй, ничего не стоит.

– А бабушке? – спросил Витька.

– А бабушке я все сам объясню. Иди.

Подождав, пока закроется дверь кабинета, Антон Кузьмич набрал на цифрике номер Фролова.

– Саша, – сказал он, когда абонент ответил. – Это Савельев тебя беспокоит... Угу... Мы позавчера говорили про монету... Да. Пять копеек. Протокоммунистическая эпоха, двадцатый век... Так вот, извини, дружище, ничего не получится... Нет, я не набиваю цену. – Антон Кузьмич грустно улыбнулся. – Просто вышла накладка. Словом, обмен не состоится... Брось. Это же всего лишь монета... Да... Я тебе потом все объясню... Выберешь что-нибудь на свой вкус. Да... До встречи.

Он отключил связь и некоторое время сидел, задумчиво глядя в открытое окно. Когда разукрашенный, но свежeweмытый Витька появился на пороге кабинета, дед решительно встал из кресла.

– Пошли, – сказал он, сгребая монету со стола.

* * *

На улице пахло вечером, морем и ветром. Свайный микрорайон Новик стоял практически на воде. Блестящие цветным стеклом многоэтажные башни, соединенные эстакадами навесных проспектов, вздымались из пенно-зеленых волн прибоя. Недоумевающий Витька вслед за дедом поднялся на скоростном эскалаторе к третьему уровню пешеходных галерей, висящих прямо над морем.

Дед и внук прошли на консоль смотровой площадки. Витька, у которого всегда дух захватывало от высоты и величия картины, остановился у самого ограждения.

– Деда, – спросил мальчишка, берясь руками за перила, – а зачем мы сюда влезли?

– За одним важным делом, – проговорил дед загадочно и серьезно. – На-ка, возьми.

Желтый кругляш лег в ладонь тусклым пятном фальшивого света. Витька недоуменно приподнял брови. Дед, нагнувшись почти к самому его уху, сказал со странным выражением:

– Хочу исправить одну ошибку... Есть такая старая поговорка: «Не все золото, что блестит». Так вот, я забыл эту поговорку и ценил то, что ценить не стоило, и еще я забыл про бациллу конфликтов, а она, такая дрянь, остается заразной долгие века. Разве умно хранить бациллу в тарелке для борща?

Витька pokrutil головой.

– Вот и я думаю, что нет... А теперь размахнись-ка как следует и запусти заразу вон в тот водоворот под опорой. Надеюсь, там достаточно глубоко...

Витька посмотрел на свою ладонь. Монета лежала между пальцами теплая и совсем не опасная. Снопы пшеничного злака изгибались вокруг схематичного изображения Земли, над колосьями висела маленькая колкая звездочка, снизу тянулась надпись из четырех букв.

– Деда, – позвал Витька. – Но ты же сам говорил, будто она очень ценная...

– Ерунда, – решительно сказал дед. – Зараза не может быть ценной. Ценность не в монете, а в нашей глупой голове. Кидай! И чем дальше, тем лучше.

Разом решившись, Витька размахнулся и швырнул монету в море. Дед, шурясь, следил за ее кувыркающимся полетом.

«Вот теперь все правильно, – подумал он, чувствуя, как его охватывает чувство облегчения. – Мальчишка должен был выбросить ее сам. Надеюсь, это поправит ошибки одного старого кретина... заигравшегося старого кретина...»

– И тебе ее нисколько не жалко? – спросил Витька, заглядывая через перила.

– Абсолютно. – Сухая мосластая ладонь потрепала внука по затылку. – А с приятелем твоим непременно помирись, – Антон Кузьмич оживился от возникшей в голове идеи. – И знаешь что? Приводи этого Юкке к нам. Обязательно приводи. Я покажу ему ловушку с солнечной плазмой, которую когда-то доставил «Солярис-7», и еще прототип гравитатора из пробной партии номер два, и раритетные фолианты по боевому самбо... Непременно помирись с Юкке. Слышишь?

– Слышу, – сказал Витька. – Я постараюсь...

Александр Миллер Сафари

Покорять Африку на стареньком седане 1992 года не то, что покорять Эверест либо какую-нибудь иную гору, скалу или препятствие, ставшее на пути. Многие покоряют горы ради спортивного интереса. Лезут на них, испытывая свою выносливость, ловкость, силу и прочие качества, что так ценятся в людях. Одни хотят доказать что-то сами себе, другие кому-то еще, третьи, возможно, делают это ради того, чтобы провести уик-энд. Но покорять Африку – это совсем другое. Континент, раздираемый гражданскими войнами, насилием, бедностью, болезнями, а также геноцидом и озверевшими стаями гиен. Есть ли кто-то, кто хотел бы испытать себя в таких условиях? И к чему эти сравнения с подъемом на Эверест? Ответ совсем рядом, он на поверхности. Мы имеем белого человека, попавшего в неприятности, которому требовалось как можно скорее обратиться куда подальше.

Мир слетел с катушек еще очень давно, но по-настоящему лишь неделю назад, восьмого июля 2054 года, когда африканские страны захлестнул огонь протестов и революций. Все началось с ЮАР, и пошло как снежный ком на север, вихрем низвергнув и без того беспокойный континент в пучину хаоса и ярости, да так, что границы размыло и народы смешались. Все это стало одной большой войной, бесконечной и жестокой. И никакие резолюции ООН, никакие призывы от ведущих стран мира не могли это остановить. А те, кто пытался влезть в это, получал лишь огромные потери, миллионные расходы в условиях, когда каждый местный, от мала до велика, готов был всадить тебе пулю из «АК-47», стоило лишь тебе отвернуться.

Положение было такое, что вмешаться в дела местных по большому счету никто толком и не смог. Не смогли целые коалиции и страны, а что уж там говорить об обычных людях, таких, например, как работники международных организаций, ребята из Красного Креста и прочих, кто оказался не в том месте и не в то время в Африке, раскаленной от жары и автоматных очередей.

Его звали Томас О’Двайер, родом он был из Северной Ирландии. Эта была та часть Ирландии, над которой все еще развевался британский флаг. Он являлся сотрудником одной английской компании, пытавшейся заключить контракты в Найроби. Делегация прибыла в командировку очень вовремя, за несколько дней до того, как все пошло кувырком. На финальной стадии переговоров в кенийскую столицу проникли какие-то повстанцы, и по правде говоря... клиентам было трудно подписывать контракт, когда в помещение ворвались ребята, недоброжелательно настроенные и вооруженные до зубов, тыча каждому присутствующему огнестрельным оружием в нос. И уже проблема была не в пересохшей ручке или дрожащей руке представителя, испытывавшего неловкость за некоторые подробности вчерашней воскресной вечеринки, тут ситуация становилась более щекотливой.

Оказалось, эти ребята были сами себе хозяева. Ну такая банда, которая взяла всех в плен и хотела было затребовать выкуп, но ничего не вышло. А все благодаря тотальному блэкауту по всей Африке. Сеть оборвалась, связи больше не было, и даже скайп не работал. Члены банды долго думали, что же делать с белыми, в итоге пришли к мнению, что на некоторых можно потренироваться в меткости метания ножей, а прочим просто перерезать горло: весьма стандартный вариант в определенных кругах африканского общества.

Так сложилось, что лишь Тому удалось дать деру в одну из беспокойных кенийских ночей. И конечно же, аэропорты были перекрыты, впрочем, как и морские порты. И вообще все пошло под откос, система дала сбой, как говорится. Но перед Томом стоял выбор: либо спрятаться и выждать, а вдруг Лондон пошлет за ним спасателей, что ему лично показалось

маловероятным, либо делать ноги любыми доступными средствами. Таким средством оказался BMW 520i E34 1992 года выпуска, который он нашел где-то в пригородах Найроби. И хотя машина была вся ржавая, скрипела и долго заводилась, все же она стала для Тома незаменимым средством передвижения, домом и крепостью. Страшно было подумать, как бы он обходился без этой старой рухляди во время своих скитаний по необъятным просторам этого прекрасного и в то же время опасного континента.

Что сразу стало понятно, так это то, что каждый был сам за себя. Такая себе смертельная битва в реальных условиях. Каждый норовил урвать кусок, не гнушаясь при этом самыми разными способами. Как вариант, можно было прострелить кому-нибудь голову, отобрав у него всю еду и одежду. Поначалу Том к этому долго привыкал, но в итоге освоился. Конечно, следовало быть более разборчивым. Дело в том, что все население разделилось на тех, кто вооружился и стал грабить все в округе, и тех, кого собственно грабили. Так вот у тех, кого грабили, и так уже ничего толком не было, и в основном недопонимание у Тома возникало лишь с лихими грабителями. Чаще всего это касалось вопросов пропитания, бензина и проезда. Иногда вторую сторону не устраивала собственно этническая принадлежность ирландца, что на самом деле происходило чаще, чем хотелось бы. А еще Томас знал лишь один язык, свой родной английский, а подавляющее большинство местных, кого он встречал, на нем не говорили, так это являлось еще одной причиной трений и недопонимания.

В итоге Тому пришлось запастись несколькими аргументами на тот случай, если разговоры пойдут на повышенных тонах. Одним из таких был весьма компактный пистолет-пулемет фирмы Heckler & Koch «MP5», его очень удобно было брать с пассажирского сиденья, в особенности когда нет времени на вступительную речь. За поясом 9-мм «ПМ», а на заднем сиденье самодельный обрез, Том полагал, что это был винчестер, на развязку. Патроны необходимо было добывать на месте. Труднее всего было с пистолетом-пулеметом. В основном в ходе общения приходилось сталкиваться с «АК-47». Но это не стало такой уж проблемой. Мобильность для Тома была важнее.

– А черт, ну только не это, – с досадой произнес он, взглянув на шкалу топлива, – там что, бак пробит?

Надавив на педаль тормоза, Том остановился на обочине. Затем потянулся за картой, одним глазом следя за окрестностями. Обычно заправки встречались регулярно, однако ближе к границе с Мозамбиком их стало попадаться все меньше, заставляя ирландца заглядывать в карту чаще, чем хотелось бы.

– Так, посмотрим, – тихо шептал себе под нос Том, – ну где ты, когда ты так нужна...

Уже через пару минут ирландец, спрятав карту, продолжил свой путь. Ему требовалось проехать несколько километров, затем свернуть на соседнюю дорогу, что выглядело как небольшой крюк, впрочем, это того стоило. По крайней мере так думал Том, когда делал свой выбор. Это больше всего походило на то, как канатоходец шествует над пропастью, рискуя вот-вот сорваться вниз под оглушительный крик зрителей.

У Тома была одна надежная тактика выживания в этом путешествии. Если пахло жареным, от дальнейшей эскалации нужно было стараться уходить любыми доступными способами. Перестрелка была крайним методом, ведь так или иначе ирландец боялся получить ранение, опасаясь, что даже безобидная царапина в Африке могла стать причиной долгой и мучительной смерти. Ну или быстрой и мучительной. И в том и в другом варианте ирландцу не нравились слова «смерть» и «мучительно», так что он всеми силами старался избежать такой участи.

Однако случалось непредвиденное. Опустевший бак мог бы стать предзнаменованием чего-нибудь более паршивого, не будь это таким частым явлением. Но когда в зеркале заднего вида показалось несколько несущихся на скорости джипов, Томас смекнул, что вот-вот станет жарко. Плавно, но в то же время настойчиво он начал жать на педаль газа, опасаясь

ясь, что резкая смена оборотов убьет и без того находившийся при смерти двигатель старой ласточки. До развилки оставалось несколько километров, кто знает, может, хвост и отпал бы сам собой, окончив это представление благополучным исходом. Дабы не испытывать судьбу, ирландец решил до поры держаться от нежелательной компании подальше.

– Ну, ребята, вы же не хотите проблем? – бормотал Том. – Я вот не хочу проблем... Давайте, двигайте по своим делам. Не обязательно каждый раз доводить все до крайности...

С недовольством отметив, что джипы постепенно сокращают дистанцию, Том машинально потянулся за двустволкой. Стрелять во время движения было тем еще занятием, но винчестер годился для первого залпа по колесам, что на такой скорости сразу вывело бы одного из преследователей из игры, а дальше как получится. Такое уже случалось, ирландец имел определенный опыт. Тогда это было двойной порцией удачи вперемешку с неопытностью налетчиков. Что ждало его сейчас, предвидеть было трудно.

– Вот... блин! – выругался Том.

То, что заставило ирландца выругаться, заставляло бежать в страхе всех в округе. На несущихся вслед за ним внедорожниках виднелась неуклюже нарисованная символика: красной краской – голова гиппопотама с огромными клыками – инсигнии банды головорезов, чье название Том даже толком не мог запомнить. Во всяком случае, он хорошо помнил, что от этих ребят, наводивших шорох по всей Центрально-Восточной Африке, нужно было уносить ноги как от огня. Все до одного они были безжалостными убийцами, нападавшими толпой, хорошо вооруженными и бескомпромиссными. Те, которые, ничего не спрашивая, просто стреляли, ради развлечения либо подтверждения собственного статуса в рядах «гиппопотамов». С ними невозможно было договориться, от них нельзя было ждать милосердия, и что самое печальное, если они находили жертву, то гнали ее до самого конца – такой уж у них был принцип. Вот ведь незадача, что именно Тому посчастливилось оказаться у них на пути.

Когда развилка показалась на горизонте и ирландец, достигнув судьбоносного момента, свернул направо, стало ясно, что день испорчен. «Гиппопотамы» гнались по его душу, раззадорившиеся попытками жертвы удрать, они начали высовываться из окон своих внедорожников с криками брани, насмешек, стреляя при этом в воздух. В ответ Том лишь поддал газу. Его расчет был на то, что перегруженные и тяжелые джипы не смогут настичь легкий седан с полупустым баком. Вот если бы хватило топлива, чтобы оторваться от «гиппопотамов» как можно дальше, скрыться из виду, а там спрятаться и переждать.

Однако хоть какого-то существенного отрыва достичь так и не удалось. Ирландцу нужно было срочно думать, что же предпринять. Движок его BMW ревел из последних сил, а машину трясло от скорости. Казалось, что вот-вот старушка разлетится на части. Честно говоря, Тома бы устроил такой исход – быстрый и без особых страданий, не худший по сравнению с тем, что могли бы придумать для него «гиппопотамы». И поэтому он гнал что было мочи, выжимал из машины последнее. Ирландец решил, что не отдастся так просто.

– Хотите меня поймать? – на лице ирландца появилась злорадная улыбка. – Придется попотеть!

Рассмеявшись в голос, он выкрутил музыку на полную катушку. Предыдущий владелец явно был любителем поп-музыки 90-х прошлого века, поэтому из трех рабочих колонок доносились звуки N'Sync, и хотя в другой ситуации Том оторвал бы кому-нибудь ноги за такие предпочтения, в данный момент это волновало его в последнюю очередь. Заряженный адреналином от неотвратимости смертельного исхода, отрешенным взглядом он смотрел на трассу, летящую под колеса машины, словно беговая дорожка. Летевшие позади него «гиппопотамы» ответили сигналами клаксонов и морганием фар. Улюлюкая, они загоняли свою дичь, как заядлые охотники. Погоня, достойная какого-нибудь боевика, продолжалась под жарким солнцем Африки. Незабываемое сафари для искушенного туриста. Ирландец с

удовольствием проводил бы такие туры за хорошие деньги. Наверняка нашлись бы сорвиголовы, готовые на все ради подобного экстрима. Без сомнения, отъявленные психи, конечно, но кому какое дело.

Раньше Тому казалось, что все эти волонтеры и туристы, стремящиеся в Африку, что каждый из них по-своему сходил с ума. Лично он добровольно сюда никогда не поехал бы. Ну может, только если в составе контингента ООН. Что же стало с миротворцами? Том знал об их существовании, но где бы они ни находились, изолированные и брошенные, они явно испытывали не лучшие времена, впрочем, как и все остальные. А может, им удалось прорваться в порт Накалы? Ведь в их распоряжении были большие запасы оружия. Ирландец слышал про порт Накалы в Мозамбике, именно туда он и направлялся. О нем говорили те немногие из местных, кто могли выдать из себя пару фраз на английском, дескать, там стоят корабли нескольких государств, а сам порт под полным контролем миротворцев. Они давали убежище всем иностранцам, оказавшимся в Африке. Убежище и возможность отплыть на Мадагаскар. Ведь его не затронули волнения, весь остров жил своей жизнью, принимая потоки беженцев, бегущих с восточного побережья Африки от войны и истребления. Порт Накалы... какая магия была в этом названии. А ведь раньше Том даже не подозревал о его существовании. Жаль только, «гиппопотамы» не разделяли его восторга.

Ирландец кинул взгляд в зеркало заднего вида. Они все еще были там – эти стервятники. Почему они продолжали преследование? Ведь не могли же «гиппопотамы» знать, что топливо в его машине на исходе? Ведь при лучшем раскладе он мог бы удирать от них сутки напролет. Неужели они так и не отвяжутся? Будут гнать до упора? Они как звери, почуявшие страх. Либо они были уверены, что жертва никуда не уйдет?

– Они связались со своими... – тревожно проговорил Том, – мне идут наперехват. Перекроют дорогу! Буду прорываться по обочине! Не на того ирландца нарвались, черти!

Том так бы и поступил, как вдруг увидел поворот. Дорога ответвлялась от основной трассы направо, к северу. Он не знал, куда она вела, однако ощущая, что иного выхода нет, на полной скорости свернул на новый маршрут. Очень жаль, что Танзания представляла собой практически полностью одну большую равнину, потеряться было негде. Все просматривалось до горизонта. И насколько хватало глаз, впереди не было ничего особенного. Проехав немного по новой дороге, Том с удивлением заметил, что позади него никого. Будто вся эта погоня была лишь в его воображении. Но скорее всего, «гиппопотамы» просто проехали вперед, не успев повернуть вслед за ним. «Как странно, – подумал ирландец, – возможно, они решили, что оно того не стоило. Возможно, у них у самих заканчивался бензин».

С досадой Том взглянул на приборную панель. Топлива оставалось всего ничего. Нужно было разворачиваться и ехать по прежнему маршруту. Но что если налетчики ждали его впереди, на той самой заправке? Том решил проехать дальше по загадочной дороге, в надежде понять, куда она ведет. Кстати, на карте этой дороги не значилось.

Вскоре он заметил, что чем дальше продвигается, тем больше ощущает некое давление. Становилось чуть труднее дышать, а силы постепенно уходили из тела. Сперва Том подумал, что это последствия недавней погони. Но затем, когда давление стало ощущаться все сильнее, стало ясно, что это было не что иное, как влияние местности, в которой он оказался. Ирландец хотел было уже развернуться, но, увидев впереди стоящий на обочине автомобиль, решил, что мог бы воспользоваться этим.

Автомобиль выглядел покинутым своим хозяином не первые сутки. Он стоял на обочине, и было ощущение, что человек уходил в спешке. Подъехав, Том заглушил двигатель и, внимательно осмотревшись, отправился к багажнику, за шлангом и канистрой. Что-то подсказывало ему, что в баке покинутой машины еще оставался бензин. Но на самом же деле все было намного лучше. Благодаря неведомому владельцу покинутого автомобиля, удалось наполнить канистру на две трети. Теперь поездка к заправке лишалась смысла.

– Какая удача, – бормотал себе под нос ирландец.

Когда дело было сделано и датчик топлива показывал больше половины бака, Том, усевшись в кресло, посмотрел по сторонам. Что это было за место? Все это время давление не переставало донимать его. Решив, что испытывать судьбу больше не стоит, он завел двигатель и, развернувшись, поехал в обратную сторону. Однако, буквально через минуту пути, ему вдруг сделалось так плохо, что пришлось остановиться. Том начал испытывать тошноту, его голова стала кружиться и болеть. Заглушив двигатель, чтобы не расходовать драгоценное топливо, Том, откинувшись в кресле, решил немного отдышаться. Закрыв глаза, ирландец внезапно осознал, что на самом деле спит. Почему-то он точно знал это. Это был сон. Вот только Том не мог понять, когда он начался. Причем в своих грезах он находился в той же самой машине, на том же самом месте, с закрытыми глазами. И когда он открыл их, то увидел все тот же пейзаж, ничего не поменялось. И тогда, полностью осознавая, что находится во сне, он вновь завел двигатель и, развернувшись, поехал дальше по дороге, минуя стоявший на обочине автомобиль, куда-то к горизонту, туда, где на первый взгляд ничего не было.

Теперь давление больше не донимало его. Он чувствовал себя прекрасно, следуя по загадочной трассе. Вокруг не было ни души. Было очень тихо, и что странно, не чувствовалось жары. Ни жары, ни холода, и практически никаких звуков, кроме урчания мотора. Помимо этого, Том толком не мог понять, почему вдруг решил ехать дальше. Он просто ехал, без всякой цели, как это обычно бывает во снах, просто наблюдая за всем происходящим, подобно безмолвному зрителю в кинотеатре. Когда все вокруг темно и виден лишь один экран. В таких случаях зритель полностью погружается в этот экран, не обращая внимания на внешний мир. Такие ощущения и испытывал Том, двигаясь дальше по дороге.

Постепенно начало темнеть. Небо будто меняло цвет. Волевым усилием Том, сняв левую руку с руля, взглянул на часы. Был практически полдень. Это не вызвало у него никакого удивления, и он продолжил свой путь.

Неизвестно, сколько времени занял этот маршрут. Все перестало иметь какой-либо смысл. Будто пролетело пару мгновений, оставивших после себя лишь отрывки воспоминаний об этой поездке. Смысл имела лишь конечная точка. Этой точкой стал город, внезапно восставший на равнинах Африки. Огромный и темный, он заслонял собой заходящее солнце. Серые однотипные здания, испытанные временем, безлюдные улицы, наполненные пустотой. Подобно фону, безликому и грубому, то тут, то там в окнах темных домов горел свет. У этого города не было ни центра, ни окраин, он выглядел как нарост на теле Земли. Его звуки были приглушенными, и все, что слышал Том, – это работа труб и вентиляторов, плеск стоков и некий странный гул, возможно от стоящих вдоль дороги фонарей и ретрансляторов. И пока Том ехал по этому городу, он не встретил ни единого человека, ни машины, хотя и с интересом осматривал улицы и подворотни, заглядывал в окна, где горел свет, но ничего, кроме желтого света, разглядеть не мог.

Вскоре появилось ощущение, что солнце село, хотя и не было настолько темно, как ночью. Том зажег фары, хотя этого и не требовалось. Он не знал, куда едет, и все же ощущал, что у этой поездки была конечная цель. Это было как по наитию. И очень скоро он остановился у безымянного дома, который был точной копией всех остальных домов в этом городе. Выйдя из машины, Том отправился во двор этого дома. Когда он очутился там, начал смотреть по сторонам. Что-то подсказывало ему, что он уже здесь был. По крайней мере, так ему казалось. Закинув голову, он медленно переводил взгляд с одного этажа на другой, в поисках определенной квартиры. Вдруг к нему подошла немолодая женщина. Откуда она появилась и где была до этого, Том не знал. Женщина оказалась до боли знакомой, но в то же время ирландец не мог определить ее личности. Он пытался вспомнить, кто она, но так и не смог этого сделать.

– Я знаю вас? – спросил Том.

– Ну конечно, – улыбнулась она, – ты ведь мой ученик.

Том посмотрел на нее непонимающим взглядом.

– Ваш ученик? – переспросил он, а затем, удивив даже самого себя, добавил: – Ах да, точно...

На женщине был длинный серый плащ, под цвет местных зданий. Будто она вышла прямо из стен одного из них. А еще в ее руке была белая сумочка, которую она открыла, и, заглянув внутрь, разочарованно развела руками.

– Вот беда, – покачала она головой, – я забыла взять очки.

– Я понимаю, – ответил Том. – Сейчас принесу.

После этих слов он зашел в подъезд серого дома, начал подъем по этажам, считая про себя пролеты. Досчитав до десяти, остановился, после чего зашел в одну из квартир. Перешагнув через порог, он внезапно ощутил близость со всем, что его окружает. Вроде бы все было таким знакомым, однако имело иной вид. По крайней мере, Том прекрасно помнил расположение комнат, моментально найдя гостиную. Там он начал свои поиски, но очков найти так и не смог. Тогда в гостиную зашла еще одна женщина, на этот раз намного моложе, в джинсах и свитере темных тонов. Она также показалась очень знакомой Тому. Впрочем, эта девушка не улыбалась, а, наоборот, смотрела на него с осуждением, неким недовольством.

– Странно снова видеть тебя здесь, – произнесла девушка в свитере.

– Прости, я не хотел разбудить тебя, – извинился Том.

В ответ та лишь покачала головой.

– Я давно уже не спала, – последовало признание. – Так что ты здесь делаешь?

– Ищу очки одного знакомого мне человека, – отведя взгляд, Том в очередной раз осмотрел гостиную, – но никак не могу найти их.

– А может, их тут и нет? – предположила девушка. – Может, ты ищешь то, чего нельзя найти?

– Но мне кажется, я их где-то здесь видел, – не сдавался ирландец, – вроде бы на видном месте. Один раз я и сам потерял их, но через некоторое время нашел в этой гостиной. Как ты думаешь, в этом есть какой-то смысл?

– Обычно смысл есть всегда. Вопрос в том, есть ли в этом смысл именно для тебя.

– Вроде бы... хотя мне немного не по себе.

Подойдя к окну, девушка стала пристально во что-то всматриваться. Когда рядом с ней встал Том, то увидел лишь серую массу безликого города. Но она, возможно, видела нечто иное.

– Может быть, тебе стоит поискать в загородном доме?

– В моем старом? – Том нахмурился. – Он так далеко, что...

– Отправляйся туда, – настояла его собеседница.

Ничего не ответив, Том медленно отошел от нее. Он помнил путь в старый загородный дом. Когда он начал думать о нем, вспоминать подробности, сам того не заметив, оказался сидящим за рулем машины и на половине пути. Очень скоро, буквально через несколько обрывочных воспоминаний, он остановился около своего старого дома. С ним было много чего связано, хорошего и плохого. Дом выглядел практически заброшенным, заросшим густой высокой травой и мхом. Тем не менее внутри он оказался более ухоженным, но, несмотря на это, будто покинутым бывшими владельцами в спешке.

Прогуливаясь по старому дому и вспоминая моменты из своей прежней жизни, Том удивлялся, как здесь все кардинально изменилось. Комнаты выглядели совсем не такими, какими он их помнил, отличались и размерами, и цветом обоев и мебели. Даже пейзажи за окнами были другими. Все казалось каким-то гротеском. Вроде бы и помещений прибавилось, этажей, коридоров и лестниц, причем все это будто имело отпечаток в памяти. Дом казался Тому родным, знакомым и вместе с тем холодным и чужим.

На втором этаже ему встретилась одна любопытная комната. Ее огромное пространство окутывал полумрак. Повсюду стояли чучела разнообразных животных, висели трофеи, бивни слона, рог носорога. На одной из стен красовалось несколько деревянных масок. По центру находился огромный камин, а возле него пара кресел со столиком, стоявшим на огромной шкуре медведя. В камине горел огонь, своим теплом наполняя комнату, заставляя тени выплясывать странный танец на окружавших предметах. Все, что находилось в этой комнате, было привезено из экзотических стран. Особенно много вещей было из Африки. На Томаса обрушились воспоминания его детства. Как отец, приехавший из очередной командировки, привез с собой сувениры, причудливые вещи незнакомой культуры, о которой Том читал лишь в книгах. Одна из них – большая раскрашенная маска с оскалом из сейбы. Она здорово пугала его в свое время, да так, что Том боялся ходить мимо нее по ночам. Но где она висела теперь? В этой комнате он ее так и не нашел.

В поисках своего давнего страха Томас отправился на первый этаж. Он воспользовался второй лестницей. Воспоминания подсказывали, что маска висела где-то рядом с лестницей, но где точно – он не помнил. Изменившийся дом – лишь усложнял эту задачу. Спускаясь по лестнице, Том вдруг заметил большой беспорядок внизу. Складывалось впечатление, что что-то упало, разбившись у подножия лестницы. Не придав этому большого значения, Том прошел мимо, свернув дальше по коридору к кухне. Освещения в этой части дома вообще практически не было. Ирландцу приходилось всматриваться, светом служили тусклые лампы, горевшие через одну.

И там, в длинном коридоре на пути к кухне, Том нашел ту самую маску, пугавшую его в детстве. Но теперь она не казалась такой уж страшной. Наоборот, ему стало смешно от того, что он боялся ее раньше. Потрескавшаяся и пыльная с полустертой краской, она превратилась в бледную тень самой себя. Впрочем, как и все, что Тома окружало. Осознав это, ирландец осекся, а улыбка исчезла с его лица. Почему-то ему захотелось, чтобы маска вновь напугала его. Слегка суетливо он принялся протирать ее ладонью, но маска от этого стала выглядеть только хуже. Ее черты начали смазываться и в итоге вовсе исчезли. Отшатнувшись, Том поймал себя на мысли, что и вовсе перестал помнить, как она выглядит. Перед ним на стене висело лишь очертание. Единственный светильник, освещавший его, вдруг стал гаснуть, тогда ирландец поторопился покинуть это место, рискуя оказаться в полнейшей тьме. Последнее, что он увидел, покидая коридор, как светильник гаснет над размазанным овалом, окутав мраком то небольшое, что от него осталось.

Это путешествие нагоняло тоску и печаль. В доме, помимо Тома, никого не было. Он бродил в одиночестве, позабыв обо всем. И когда он наконец-таки вспомнил, зачем приехал, решил покинуть это место, ведь потерянных очков здесь не было. Он знал это, ощущал всем своим нутром.

Сев в машину, Том задумался, куда ехать дальше. Взяв в руки карту, ирландец принялся изучать ее. Тут ему на ум повторно пришла мысль о том, что он находится во сне и что все окружающее его всего лишь плод воображения. Это объясняло и метаморфозы с домом, со стороны не казавшимся таким уж огромным. Он и в реальности не был большим, на втором этаже, например, всего две комнаты. Странно было чувствовать такое. Том впервые столкнулся с осознанным сновидением. По крайней мере, ему казалось, что раньше такого с ним не происходило...

Его привлек стук. Том открыл глаза и непонимающе осмотрелся. Он все еще находился в машине, на обочине, где-то на безымянной дороге в центре бескрайней саванны. Выглянув в окно, он понял: виной этому стуку послужили гиены. Они рыскали возле машины, вставая на задние лапы и приносясь к полусонной добыче, сидевшей внутри.

– Проклятье, приснится же такое, – пробормотал Том, приложив ладони к лицу. – Что бы это могло значить?

К своему собственному удивлению, он понял, что самочувствие лучше некуда. Так, что хотелось прижать педаль газа к полу и не отпускать до самого порта Накалы. Вспомнив, что бак полон, Том завел двигатель. Оставив стаю голодных гиен позади, в клубах пыли, он решил, что во что бы то ни стало пересечет границу с Мозамбиком без дозаправок.

Ирландец смотрел на дорогу, раз за разом прокручивая в голове необычный сон, постигший его в этой Богом забытой местности. Ему казалось, что сон был чужим и предназначался кому-то другому. Несмотря на то, что во сне ощущал самого себя и чувствовал близость со всем окружающим. Он уже не помнил того, что увидел во сне, но все же испытывал сильное дежавю. Помимо прочего, ему было любопытно, откуда взялась брошенная машина. Куда делся ее водитель? Неужели эта загадочная дорога как-то влияла на тех, кто в силу обстоятельств на ней оказывался. Кто знает, возможно, «гиппопотамы» были в курсе и лишь поэтому не последовали за ним...

Том позволил себе улыбку. Все это были лишь домыслы. Его реальность была куда суровее бессмысленных грез. Возможно, некоторые и такую реальность назвали бы сном, что ж, порой Тому хотелось проснуться в теплой постели. До порта Накалы было далеко, и еще многое предстояло пережить. Дорога испытаний, силы и разума. Африка оказалась не тем местом, где тебя могли поддержать. Здесь ты остаешься наедине с собой, изолированный от цивилизованного мира. Том гадал, как же так вышло, что судьба преподнесла ему такой неприятный сюрприз, и не находил ответа на этот вопрос.

Увлеченный мыслями, Том и не заметил, как пролетело время. Через пару часов пути, обратив внимание на показатель топлива, он с досадой воскликнул:

– Черт тебя... там что, бак пробит?

Надавив на педаль тормоза, Том остановился на обочине. Затем потянулся за картой, одним глазом следя за окрестностями. Заправка нашлась на соседней дороге, через несколько километров требовалось свернуть, сделав небольшой крюк.

Алексей Бессонов Когда пробьют часы

Зима в тот год была обильна дождями, а весеннее солнце пришло много позже обычного. Миновал уже день Дайен, богини злаков, и землепашцы острова Ленц, по колена утопая в грязи, бродили по своим полям, с ненавистью глядя на юг, который все держал при себе ветры, приносящие тепло, так необходимое для начала посевной.

Весна пришла неожиданно, и старики потом говорили, что раньше такого на острове не видали. Вечером еще селяне-арендаторы сидели кто дома с семьями, кто ж, напротив, в тавернах – и все старались сесть поближе к очагу, потому как вечер тот был мерзок дождем и осенним почти свистом ветра, – а к утру солнце встало на летний манер.

И с юга дунуло жаром, как из печи.

Утро это оказалось восхитительным. Жители хутора Доркал, люди солидные, с давних пор державшие множество земель в собственности, вышли за ворота, не веря своим глазам от счастья: ветер гнал влагу прочь, над полями таяла легкая дымка, говорящая о том, что озимые встанут в срок. Туман таял, и таял быстро – однако неторопливый перестук копыт по брусчатке древнего королевского тракта, который как бы срезал край Доркала, деля его на две неравные части, заставил кой-каких хуторян схватить из дому алебарды и затаиться в кустах на обочине. Время было тяжкое, даже слишком.

Копыта звучали глухо – понятно было лишь, что кони идут медленно, а вот сколько их, тут уж в рассветном тумане решить трудно. Семеро молодых парней, один из которых целых два года проходил в королевских пехотинцах, а теперь слыл за могучего рубаку, засели в густых зарослях шиповника и, едва дыша, принялись ждать: то ли смерти, то ли, может, нет.

Двадцать лет войны научили их всегда ожидать худшего.

Вскоре они оказались разочарованы. Из рваных, быстро тающих клочьев субтропического тумана, так характерного для Средней Пеллии, неторопливо вышел огромный черный ломовик южной породы, гонять которого под седлом не пришло бы в голову даже сумасшедшему. Меж тем чудовищных размеров конь нес на себе дорогое, обшитое красной кожей седло, в котором болтался очень странный человек: он был тонок и долговяз, из доспеха на нем виднелся лишь легкий чешуйчатый панцирь, зато на поясе висели два длинных меча в позолоченных ножнах, что говорило о значительных финансовых возможностях, а поверх одного из вьюков, которые буквально облепили коня со всех сторон, красовался сферический шлем очень дорогой работы. Следом за черным чудищем шел на тросу еще один конь, почти такой же, только серый, а за ним – два поджарых жеребца, вполне годных в кавалерию. На одном из них, зыркая глазами по сторонам, сидел мальчишка в легком шлеме, держащий в правой руке длинный пистолет. Шнур фитиля был намотан на его правую руку.

Юные хуторяне дождались, когда процессия снова растает в тумане, и облегченно выдохнули. Зрелище оказалось удивительным: пожалуй, что его хватило бы на несколько вечеров в местной таверне. Стук копыт утих, туман становился все реже, и скоро от него не осталось уже совсем ничего.

– На Юлих пошел, – со знанием дела сказал бывший королевский алебардьер, оглаживая короткие пока еще усы. – В город, значит. Из порта.

– Кони-то какие у него, – пискнул кто-то. – Не ездят у нас на таких конях.

– Что ты знаешь, дурня, – щелкнул его по носу усач. – Значок зеленый на плече видел? Университетский он, офицер-инженер. А о конях его – тебе, что ли, недоумку, судить? На каких конях его милости господину инженеру ездить – то ему решать. Перед такими полковые командиры спину гнут. Иди поступи в королевский университет да закончи лет через

десять. Университеты у нас в Пеллии для всех открыты, сам знаешь: хоть для нищих. А ты иди поступи. Богат умом будешь – тебе король стипендию даст. Тогда и о конях поспорим...

– А кормить его кто будет? – недовольно спросил кто-то сзади. – Болтаешь ты после войск, Эрнер, много болтаешь!

– Может, кулаком тебя подкормить? – удивился алебардьер. – Или напомнить, как Маллан со мной вместе завербовался – как год отслужили, экзамен сдал, пошел в офицерскую школу и теперь, в отличие от тебя, быка безрогого, – господин королевский лейтенант. С серебра кушает и в золоте ходит. А молитвы хуже всех учил. Зато с математикой дружил. А ты мне поговори еще, поговори. Я свой пенсион за ранения недаром получаю – рукой накормлю так, что неба не увидишь.

* * *

Когда-то, в давно минувшие эпохи, грозный владетель Срединных Островов Эрн Гнилое Ухо потерпел горькое поражение в бухте Менс: войско его, состоявшее из отборной латной конницы и небольшого количества наемной пехоты, было разбито высадившимися пиратами с островов Галли. Эрн отступил вглубь Ленца, отправил через северный порт Вилберн гонца в столицу, а сам, не рассчитывая на помощь Трона, собрал всех окрестных владетелей и потребовал от них выделить мастеровых людей для строительства крепости среди болот, которые начинались в двадцати лонах от Менса и тянулись далее к востоку. Так появился Юлих – сперва деревянный.

* * *

Пираты бесчинствовали еще тридцать лет, порой дотла выжигая юго-западный берег острова Ленц, но далеко от моря отходить не решались: Юлих рос, став каменной крепостью, а потом и городом посреди осушенных болот, и город этот мог выставить весьма достойное войско. Гнилое Ухо сделал новую крепость своей постоянной резиденцией, пожаловав его первым строителям – «дурные земли» вокруг, а потом, добившись на то особого разрешения Трона, издал ряд указов, которые давали невиданные привилегии людям ремесла и торговцам, готовым осесть в Юлихе навсегда. «Уложения Эрна» действовали восемь столетий, превратив город в один из крупнейших центров Средней Пеллии, а отменили их тогда, когда прежняя традиция поместных поборов ушла навсегда и началась новая, куда более свободная эра.

Старинная крепость, построенная на возвышенности, сейчас вздымалась над тысячами крыш и храмовых шпилей, выстроившихся причудливым кривоватым лабиринтом вокруг ее высоченных бастаионов. Дорога из Менса, превратившегося со временем в крупный порт, постепенно таяла в ремесленных пригородах, а потом и вовсе исчезала на одной из круговых площадей, застроенной шести-семиэтажными складскими зданиями.

Посреди этой самой площади странный всадник на ломовике остановился и некоторое время с задумчивостью смотрел в сторону севера, где солнце ярко играло флюгером на Почтовой башне.

– Туда, – неторопливо разлепил он тонкие губы и махнул рукой своему юному спутнику.

Кони снова двинулись вперед – теперь копыта мерно стучали по бугристой брусчатке какого-то переулка. Не доезжая немного до Почтовой башни, мужчина свернул направо и скоро остановился у трехэтажного дома с высокими воротами. Здесь он наконец спешился и, подойдя к воротам, уверенно нашел в них небольшую калитку. Рядом с калиткой висел бронзовый дверной молоток.

На третий удар за воротами послышались тяжелые шаркающие шаги, и калитка чуть приотворилась. Худощавый встал так, чтобы его было лучше видно, и на лице его появилась странноватая, как у недоумка, улыбочка.

– Арвел... – недоуменно выдохнули за воротами. – Ты?!

– Отпирай, Тимбур. Мы с Дали измучились дорогой и очень хотим есть. Выпить, впрочем, я тоже не откажусь...

Ворота уже скрипели тяжелыми чугунными петлями, смазывать которые хозяева явно ленились. Когда обе створки распахнулись, на улицу вышел широкий мужчина лет сорока с крупными, даже грубыми чертами лица, одетый, однако, как небогатый дворянин. Не говоря ни слова, он ввел во двор тяжеловозов, посторонился, пропуская вторую пару лошадей, и потом только с размаху ударил худощавого ладонью в грудь – да так, что, не будь на том панциря, ему пришлось бы несладко.

– Арвел, – повторил он. – Арвел Хадден, ха-ха!

– Закрывай ворота, старый ты окорок, – ответил ему гость, явно довольный оказанным приемом. – Честно сказать, так я боялся не застать тебя.

– А-а-а, что мне сделается. Таких, как я, ни плеть не сечет, ни пуля ни берет. Хотя времена нынче – сам знаешь.

Юный спутник Хаддена легко спрыгнул с коня и, сняв свой шлем, вдруг оказался девушкой с тонким лицом, стриженной, однако ж, под мальчишку. Повернувшись к хозяину, она изящно поклонилась и протянула ему правую руку, на что тот ответил вежливым кивком и открытой ладонью, которой девушка слегка коснулась пальцами.

– Старина Тимбур не из простых, – хихикнул Арвел. – И этикету обучался отнюдь не на конюшне. Это – Дали, друг мой. Пока – просто Дали. Пока – так...

– Все понимаю, – так же вежливо ответил Тимбур. – И рот мой замкнут печатью. Но! Скажите, о владетели, что мне приготовить в первую очередь: баню с дороги или все же обед?

– Обед, – решительно заявил Арвел Хадден. – На корабле нас кормили хуже некуда, а те запасы солений и колбас, что я прихватил с собой, кончились уже давно. В Менсе мы завтракать не стали – было слишком рано, и давиться тушеной рыбой в ночной харчевне не хотелось. Дали обещала выдержать дорогу, да вот, кажется, уже проголодалась до смерти.

Двое слуг помогли Хаддену снять с лошадей множество вьюков, некоторые из которых оказались очень тяжелыми, и подняли их в комнаты на втором этаже, где хозяин разместил своих неожиданных гостей. Дали тем временем наскоро умылась и переоделась в простое синее платье до щиколоток – не забыв, впрочем, о поясе с длинным дамским кинжалом старинной работы. Хадден, избавившись от панциря и стеганого жилета под ним, остался в белой сорочке и кожаных штанах с накладными пистолетными карманами на бедрах. Скоро они с девушкой спустились вниз, ибо судя по звукам, доносившимся из столовой залы этого большого купеческого дома, приготовления к обеду заканчивались.

Тимбур ждал их в дверях.

– Супруга моя Лита уехала молиться на остров Фирс, – сказал он, учтиво беря девушку под локоть, – прихватив с собой дочерей. А сын, как известно, уже три года на королевской службе в море.

– Я слышал, что Витмор пошел на флот, – кивнул Арвел. – В прошлом году я виделся с Брагом Деером. Он тогда служил казначеем у князя Риввета. Недурная карьера для сына земельного поверенного? Думаю, сейчас он уже болтается поближе к столице.

– Не сомневаюсь, – фыркнул Тимбур.

Сам он сел, как и полагалось человеку из старой семьи, с правого края полукруглого стола, а гостей своих посадил посередине. Долговязый слуга раскупорил несколько кувшинов, другой – разлил по чашам ароматный суп из корней.

– Вот это да, – вздохнул Арвел. – Впрочем, в доме твоего отца всегда умели и приготовить и подать. Отбрось стеснение, Дали. Сейчас церемонии не имеют значения.

Девушка ответила ему улыбкой, но все же не прикоснулась к ложке до тех пор, пока хозяин не выпил с гостями за встречу.

– Да, времена пришли ненастные, – задумчиво произнес Тимбур и взмахом руки отправил прочь слуг. – Многие из нашей старой компании вернулись домой, а ведь кое-кто имел неплохую службу. А тут... Впрочем, говорят, будто война скоро начнется снова.

– Сторону Трона держит немало людей с тугим кошельком, – хмыкнул в ответ Арвел. – И почти все они считают, что пока еще не получили того, о чем мечтали. Противоположная сторона находится в такой же точно ситуации. Так что... впрочем, я не стал бы делать скоропалительных выводов. С чисто военной точки зрения Южной Звезде война не выгодна. Их ресурсы тают – да, возможна помощь Ла-Велле, однако чем за нее придется расплачиваться?

– Ну, Юлих уже расплатился за все сполна.

– В смысле?

– Мы получили в наместники князя Тренка.

– Та-ак...

Хадден отставил в сторону опустевшую чашу, придвинул к себе тарелку с мясной запеканкой и застыл в глубокой задумчивости.

– И дела, наверное, идут хуже, чем можно было себе представить? – спросил он через некоторое время.

– Пожалуй что, – кивнул Тимбур. – Слухи о том, что его совершенно не интересуют деньги, подтвердились полностью. Его интересуют только казни. Не спорю, Юлих нельзя назвать городом, абсолютно лояльным нынешнему нашему королю, но все же открытых проявлений мятежа у нас не было и нет.

– Кого он казнил первым?

– Старого Финча, главу Торговой коллегии. Старика пытались выкупить, но дело закончилось тем, что Тренк засек до смерти нескольких поверенных, которые хотели говорить с ним. Король от Тренка в полном восторге, так что сделать тут нельзя ничего. Многие бегут из города, Арвел, и скажи мне, когда такое было? Когда бежали не в Юлих, а, наоборот, из Юлиха?

– Такого я не помню.

– Такого никто не помнит. Но, повторяю, сделать ничего нельзя. Коль так – и говорить о том не стоит. Расскажи мне лучше, чем ты занимался все эти годы. Кое-какие слухи до нас доходили, но...

– Я понимаю... Я служил, – поднял глаза Хадден. – Служил Трону, служил разным владетелям, которые желали иметь у себя толкового инженера. Все это время я, конечно же, учился. Заработав немного денег, я отправлялся к разным профессорам и наставникам. На свете много интереснейших вещей – это я понял еще в университете, и с тех пор поиск новых знаний не дает мне ни секунды покоя...

Тимбур молча покачал головой. Арвел Хадден смотрел на старого друга с улыбкой, догадываясь, о чем тот сейчас думает.

– Ты всегда был немного странным, – выдавил наконец Тимбур и налил гостям вина.

– Я угадал, – пробормотал себе под нос Арвел. – Как и всегда...

– Что ты говоришь? – нахмурился Тимбур.

– А, ничего. Расскажи лучше, как у тебя идут дела.

– Дела? – поднял брови Тимбур. – Дела у меня от силы раза три в неделю, а скоро и тех не останется. Много ли народу ты видел на дороге из порта?

– Две-три фуры: дорога безлюдна, а народ в окрестных селах перепуган до смерти. В Доркале – а ведь богатый хутор, – меня ждали с алебардами, но когда я проехал мимо,

трогать не стали. Испуганы были: в любом всаднике им чудится какой-то подвох. Вот уж точно – никогда такого не было.

– Не было, – эхом повторил хозяин. – А скоро так вообще ничего не будет. Не останется... И дома, и цеха, и склады – хозяева продают за гроши, вот только покупателей не видно. Торговцы обходят Юлих стороной, нет у нас больше ни хлопка, ни шерсти, ни железа. Хорошо хоть уголь еще завозят, да зерна хватает. Хотя если дальше так пойдет, окрестные земледельцы поднимут настоящий бунт. Они век от века жили полем и торговлей – а что теперь? Трон требует податей, но платить их нечем, потому что Тренк уничтожил всю торговлю в Юлихе, а везти злаки, и овощи, и скот на побережье самостоятельно они не могут, нет у них таких фур, да и некогда. Кое-кто выкручивается, конечно: собираются пятью семьями, посылают старших сыновей, да вот не у всех выходит. Не их это дело. И купить же им теперь нечего: все, абсолютно все они покупали у нас, и все были довольны.

Тимбур снова замолк, и тут Хадден увидел, что его немного трясет. Арвел хотел найти какой-то ответ на гневную речь друга, но – не смог. Город своего детства он помнил совсем другим: порой туманным, зимой отчаянно дождливым и, однако ж, зеленым, наполненным солнечной суетой, деловитой и веселой одновременно, что отличает те города, в которых у людей получается все, за что бы они ни брались. Юлих шумел рынками, грохотал молотками оружейников, изделия которых расходились по всей Пеллии; здесь работали искусные мастера-каретники, готовые выполнить любой, самый сложный заказ благородного владельца, а шерстяные ткани, выделяемые в сотнях цехов на западной окраине, заезжие купцы отрывали буквально с руками. И жители его, великие трудяги, а местами порядочные обороты, время для улыбки находили всегда.

Юлих же нынешний, почти не пострадавший от двадцати лет войны, которую историки уже успели назвать Династической, – улыбку свою потерял.

Двор за окном, с амбарами и несколькими фруктовыми деревьями, постепенно окрасился в густо-желтый колер заката. Поговорив еще немного со своим другом, Арвел устало вздохнул и попросил прощения:

– Дали засыпает, старина. Мы ведь сели на коней еще до рассвета...

– Да-да, – Тимбур поспешно встал. – Заболтал я тебя. У нас еще будет, я надеюсь, время для разговоров. Сейчас я приготовлю вам баню.

– Мы уезжаем не завтра...

Когда девушка, сбросив с себя мягчайший шерстяной халат, юркнула под одеяло, Хадден уселся возле окна, и взгляд его скоро застыл, как у мертвого.

Голос Дали вырвал его из реки грез:

– Мне понравился твой друг. Кажется, он человек надежный.

– Настолько, насколько может быть надежен человек в наше время, – ответил Арвел.

Подойдя к большой деревянной кровати, он поднял край теплого одеяла и лег рядом с девушкой. Дали закрыла глаза: через несколько мгновений Арвел Хадден понял, что она спит.

* * *

Утром, оставив сонную Дали на попечение служанки, Арвел наскоро позавтракал и вышел в город. Оделся он очень скромно: шерстяная серая куртка до колен, простые холщовые штаны да грубые башмаки. На голове у него криво сидела мягкая шляпа с отвисшими широкими полями, явно выдавшая всякие виды.

Про зеленый значок инженера он, однако ж, не забыл.

Южный ветер окончательно прогнал туман, и в узких переулках, что вели его к Почтовой башне, дышалось легко и как-то по-весеннему звонко. Почтенные мамыши распахивали

окна – впервые, наверное, после зимних ливней – и, смеясь, переговаривались с соседками. Несколько учеников-подмастерьев, одетые в чистые, преувеличенно аккуратные курточки и короткие штаны, спешили, гремя каблуками, в свои цеха. Арвел медленно шел по переулку, глядя, как флюгер на башне становится все ближе, и пытался вспомнить, кого из соучеников, с которыми тридцать лет назад он штурмовал здешние сады, а порою – и кондитерские лавки, ему случилось встретить за эти проклятые военные годы.

Двоих-троих, решил он. Воевали и другие, но Пеллия велика... кое-кто вернулся с войны, а кто-то остался навсегда лежать в полях и джунглях на далеких отсюда южных островах. А некоторые и сейчас еще на службе, в жажде славы и богатства. Найдут ли? Кто ж нам напророчит!..

Еще один поворот – и вот ноги сами собой вынесли задумчивого Хаддена на площадь перед Почтовой башней. В прежние времена здесь всегда былолюдно: сновали почтовые кареты и разносчики писем со своими трехколесными тележками на мягком ходу, там и сям торчали лотки торговцев сладостями или жареными пирожками с мясной начинкой, здесь же стояли будки перекупщиков, которые заключали небольшие сделки по шерсти или, если повезет, по хлопку, а так как по соседству, на улице пресветлого Хиама, располагалась податная контора, площадь то и дело пересекали бледные и возбужденные купцы, держа в руках кожаные сумки для бумаг.

Сейчас площадь оказалась почти пустой. Разноцветные деревянные будки, украшенные именами торговцев, исчезли, пропали и почти все лотки, за исключением трех. У башни стояла одна-единственная карета, возле которой скучал почтарь в истрепанном королевском мундире. Все так же неторопливо Арвел пошел в сторону улицы Вилле, которая вела наверх, к старинной крепости, и неожиданно остановился, встретившись глазами с высоким, белоседым стариком в длинном зеленом платье учителя.

Несколько мгновений старик пристально разглядывал его прищуренными серыми глазами, а потом глубокие морщины на его лице разгладились:

– Ты ли это, Хадден? Решил вернуться в родной город?

– Не так чтобы вернуться, наставник Торн, – глубоко поклонился Арвел. – Я здесь проездом.

– Вижу, ты все же стал инженером... твои усилия не пропали даром, так ведь?

– Ваши, наставник, – снова поклонился Арвел.

Учитель улыбнулся. Торн преподавал математику в Общинном Торговом лицее, куда Арвел поступил после школы. Когда-то, видя страсть мальчишки к механике, он «гонял» его строже других – заранее предполагая, что после лицея тому прямая дорога в столичный Королевский Университет.

– Мы слышали здесь про тебя... – негромко вздохнул Торн. – Разное... быть может, ты найдешь время поговорить со стариком?

– Я на все готов для вас, – вдруг вспыхнул в ответ Арвел.

– Хорошо. Тогда идем.

Зачем-то оглянувшись, Торн взял Арвела под руку и повел в узенький полутемный переулок, где, как помнил из своего детства господин королевский инженер, находились мастерские и склады скобарей и медников, а также дешевые подвальные заведения, в которых всегда можно было взять чарку тростниковой и маленькую соленую рыбку на бумажной тарелочке.

Именно в такую дыру, слабо освещаемую через узенькие окна, выходившие прямо на мостовую, и привел старый учитель своего бывшего ученика. Зал с десятком изрезанных ножами столиков был совершенно пуст, а в буфете сонно протирали глиняные стаканы хозяйка – дородная дама в синем переднике поверх теплого шерстяного платья.

– Ах, господин Торн, – поплыла она улыбкой, едва завидев долговязую фигуру старика, – как же рада я вас видеть снова! Говорили, что вам выпало хворать?

– Все позади, – отмахнулся тот. – Пришла весна, а с ней, как говорят поэты, шагает под руку надежда. Подай-ка нам свинины на спицах, да тростниковой из Хенны, той, что без сахара.

Хозяйка кивнула и умчалась на кухню. Торн тем временем усадил Арвела за столик в дальнем углу, хорошо освещенный лучами утреннего солнца, падающими из окон, а сам сел напротив.

– Я рад тебя видеть, – тихо сказал он. – Много у нас изменилось – ты слышал?

– Да, – кивнул Хадден. – Я знаю.

Торн втянул носом воздух и молча покачал головой – точь-в-точь как Тимбур вчера вечером. В этом было что-то тягостное для Арвела, и он отвел глаза, стараясь не смотреть на учителя.

– Никто уже не понимает, что делать, – негромко продолжил старик. – Промышленность пришла в упадок, с ней загнулась и торговля, а что еще делать в Юлихе, как не торговать? Многие уехали, и это были не худшие люди. Другие... каждый день ждут вызова на суд, за которым последует казнь. Кто-то будет повешен, иных засекут до смерти, и скоро здесь не останется уже никого, кроме вдов да сирот, идти которым некуда, равно как и негде снискать себе пропитание.

– Но если выезжают не все... – пробормотал Хадден.

– Ну как – не все, – развел руками Торн, – да, пока не все. Есть люди, для которых привязанность к нашим мостовым сильнее страха смерти. Им проще умереть, чем покинуть город, который возвели их предки, – для многих из нас каждый камень Юлиха несет в себе какую-то историю. Да и могилы – их ведь не возьмешь с собой.

Хозяйка заведения принесла из кухни заказанное мясо и выпивку, расставила на столе и виновато улыбнулась:

– Вы уж простите, ваши милости, что так долго. Прислугу в зале мне пришлось рассчитывать, и двоих поваров тоже.

Торн ответил ей понимающей улыбкой.

– Могилы, – повторил он, разливая тростниковую по простым глиняным чарочкам, – скоро могил здесь станет больше, чем плательщиков податей, но сдастся мне, что даже на этом он не остановится.

– Вы пытались что-то сделать? – спросил Хадден и опрокинул свою порцию. – Хоть кто-то... хоть что-то? Есть ведь знающие люди, хорошо владеющие своим ремеслом. Сейчас такое время, что они берутся за любую работу: Пеллия бурлит, так что о наказании можно и не думать.

– Пытались, – пробурчал Торн. – Двое, изучив обстановку, отказались. Еще один... просто исчез – скорее всего, сбежал с полученным задатком.

– М-м-м?... – поднял глаза инженер.

– Там дело плохо, – учитель снова налил и откусил с деревянной спицы небольшой ломтик мяса. – Ты же не думаешь, что он идиот? Некоторые доктора, правда, считают, что мы имеем дело с человеком, сильно ударенным в детстве, – но вот в отсутствии ума и даже, я бы сказал, изворотливости его упрекнуть нельзя. О своей безопасности он заботится чрезвычайно тщательно.

– Охрана?

– Если бы. Любая охрана подкупается – а еще недавно в Юлихе было очень много денег. Нет, там все хуже. Охраняют его несколько родичей и старых друзей, которые повязаны с ним жуткими делами первого этапа войны. И главное – он почти не появляется на людях. День и ночь сидит в Старой Башне, а пробраться туда нельзя никак. Ты сам знаешь, как

строилась эта цитадель. Вход только через лабиринт, который при необходимости заливается водой, и тогда войти в башню просто невозможно.

– И на казни он тоже не ходит?

– Казнят, как правило, тоже там. На площадях... всего несколько раз. Но этого не было уже давно. Говорю тебе, сделать что-то очень трудно.

– Я слышал, он религиозен... молится и жертвует там же, в Башне? Пару лет назад болтали, будто бы его семья просто помешана на Секех, богине Первой луны. Сколько у нас ее храмов? Не потому ли он выбрал для себя Юлих, а не какое-то другое место?

– Может быть – мы уже думали об этом. Ты должен помнить, что южный выход из лабиринта Башни смыкается с садом храма Секех-на-Холме. Он молится там два раза в неделю. Но проникнуть в сад тоже невозможно.

– Я помню эти стены, учитель... их и впрямь не перескочить. А копать из глубины сада – смешно говорить.

– Вот...

Торн снова налил, и в глазах его Арвел увидел старое, усталое уже отчаяние.

– Саперов нам сейчас не найти, – усмехнулся инженер. – Но на этом свете есть много всяких дорог... А вот кстати, о дорогах: скажите мне, а за кого вышла моя старая подружка Нола Сидден? Недавно она мне снилась, и привиделось мне, будто бы у нее уже пятеро, а младший ее брат Виг стал каким-то механиком. Странный был сон, скажу вам честно.

– Пятеро не пятеро, а трое имеются, – покивал Торн. – И по тебе она, извини уж, не скучала – выскочила за Малса, сына торговца шерстью с улицы Барн, едва вы с молодым бароном Уллой в столицу уехали. А брат ее – не поверишь, угадал ты. Виг Сидден у нас главный городской часовщик. Может, тебе интересно с ним повидаться будет, уж не знаю... он-то самоучка, десять лет по разным городам и весям шастал, все учился. А потом приехал, в ратушу пришел и сам себя и предложил.

– А экзамен? – приподнял брови Хадден. – Вот так его и взяли?

– Экзамен ему устроили – пальчики оближешь. Часы на шпиле храма Дайен к тому времени уже лет пятнадцать как встали – окрестные селяне кому только деньги не сулили, а братья никто не хотел. Слишком, говорят, старые. А Виг – по медникам походил, детали какие-то заказал, и ходят те часы. Часовщика-то у нас уже ой сколько не было: когда старый Бимбо помер, я еще по чужим яблоням лазал. Только переехал он – дом купил в третьем переулке от Шорников. Говорили, не захотел после смерти матери в старом доме оставаться. А деньги у него были, я знаю. Где-то он неплохо заработал...

– Вот так-так...

Они проболтали еще минут двадцать – старик учитель и поджарый, худой его ученик с сединой на висках и повадками бывалого солдата. Потом Торн остался ждать кого-то, а Арвел, поклонившись, ушел: ему хотелось побродить по городу.

С четверть часа он поднимался на крепостной холм, желая выйти к старой ратуше. Здесь Хадден знал каждый переулок. Малолюдье, непривычное в солнечные дни ранней весны, сейчас угнетало. Старинный город, славный своей торговлей, свободой нравов и неизбывным весельем, казался ему вымершим.

Поднявшись к ратушной площади, Хадден задумчиво вытер пот со лба и подошел к деревянному ларьку, где торговали фруктовой водой.

– Большой стакан, – попросил он молоденького парнишку в желтом фартуке.

До одиннадцати оставалось две минуты. Неторопливо смакуя напиток, Арвел смотрел на огромный циферблат ратушных часов. Минутная стрелка была едва не в рост человека; каждую минуту она с громким стуком становилась на свое новое место, слегка колеблясь при этом. Наконец – бом!!! – часы ударили одиннадцать.

– А на полдень, – самодовольно сообщил мальчишка, – гром такой, что едва с ног не сбивает.

– Часы знаменитые, – согласился Хадден и пошел себе дальше.

Выходя с площади на улицу Шорников, он остановился и пару минут смотрел на ратушу. В глазах инженера бродили странные искорки. Прищурясь и бормоча что-то про себя, он прошел два квартала по Шорников и свернул в кривоватый переулок, застроенный желтыми и коричневыми домами, во дворах которых расцветали старые узловатые фруктовые деревья. В ближайшей подворотне стайка мальчишек увлеченно расплетали найденный где-то моток толстой медной проволоки. Хадден остановился и негромко присвистнул – к нему сразу повернулись четыре чумазые мордашки.

– Не здесь ли, – вежливо поинтересовался Арвел, – проживает мастер Виг?

– Не, – ответили ему, – эт через два дома, по той вон стороне. Во-он тот дом, с флюгером, видите? Только он, говорят, хворает. Три дня лежит уже.

Арвел покивал, бросил пацанве мелкую монетку и отправился в указанном направлении.

Дом часовщика оказался куда солиднее, нежели старый, в котором юному Хаддену случалось бывать много-много раз: в два этажа с мансардой, дверь обита узорами из бронзовых полосок. За окнами второго этажа были прикреплены цветочные ящики, сейчас еще пустые. Арвел пару раз стукнул деревянным молотком и прислушался, но в доме было все так же тихо. Он ударил посильнее, и тогда со второго этажа раздалось чье-то недовольное ворчание; через минуту инженер услышал шаркающие шаги, кашель, и вот дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина в длинной домашней куртке, шею его укутывал платок.

– Вам чего? – спросил он, шмыгнув носом. – Заказы я сейчас не принимаю – сами видите, горло скрутило. Ну?

– Не узнаешь, что ли? – улыбнулся Хадден.

Виг Сидден прищурился. Через несколько мгновений на лице его появилась улыбка, и, не говоря ни слова, он втащил незваного гостя в дом.

– Уж кого не ожидал... – пробормотал часовщик. – Это где мы тогда расстались? Под Маридой? Сразу после начала осады?

– После прохода первой мины, – тихонько захихикал Арвел. – Когда я траванулся дымом и едва не сдох, а тебе приказали ехать на Север.

– Четыре года... – хмыкнул Виг. – Были денечки... сколько ты тогда провалялся?

– Почти месяц, чтоб ты знал. Потом много интересного было, но с князем Вулли я дело иметь отказался. Дурак он, знаешь ли, из дураков. Угробиться с таким – запросто, а вот чтобы заработать, так не очень.

Господин часовщик понимающе закивал и указал Арвелу на внутреннюю дверь, которая вела в кухню.

– У тебя, как я понял, никого нет? – утвердительно произнес Хадден, садясь за гладкий, недавно сработанный стол и с любопытством осматриваясь по сторонам – дом, приобретенный Вигом, был отнюдь не нов, однако вся обстановка кухни, включая даже очаг в противоположной от двери стороне, выглядела новехонькой и весьма недешевой.

– Жена будет к вечеру, – часовщик распахнул золотистый буфет с фигурными стеклами и принялся выставлять на стол кувшины и корзинки с копченым мясом. – Она у меня на сносях, но дела не бросает – унаследовала тут кой-какую контору от папаши. А служанку мы до утра отпустили. Так что хозяйствую я нынче сам, по-солдатски. Горло вот только застудил: и что за весна в этот год, будь она неладна!

– Весна отвратная, – подтвердил Хадден. – Да и город неприветлив.

– С чего бы ему быть приветливым, – поморщился Виг. – Город поймал такого ежа на задницу, что и не знаешь теперь, как от него избавиться. Уже вроде пытались, да слишком тот хитер. Не ухватишь. А времена противные. Вот мне лично воевать надоело, но и здесь тоже чего ждать – а кто знает? В Башню могут потащить кого угодно.

– Переехать не думал?

Сидден налил вина и принялся резать немного подсохший вчерашний хлеб. Лицо у него было до крайности хмурое.

– Думал, – буркнул он наконец. – Но только это все-таки мой город, понимаешь? Наш город, наших отцов и наших дедов. И это мы сами виноваты во всем, что с нами происходит. Нам и решать... да и к тому же: где деньги взять? В Юлихе сейчас ничто ничего не стоит. Ни-че-го...

Они молча выпили. Хадден принялся за ароматное мясо с травами; ел он с аппетитом – тогда как хозяин, шустро выдув полкувшина, к еде почти не притронулся.

– А ты не думал, – вдруг заговорил Арвел, указывая взглядом на опустевший свой стакан, – что если мечты сбудутся, то Трон может прислать сюда нечто похуже? Гора-аздо хуже...

– А мы не паникеры, – огрызнулся Виг. – Это раз. И тот, кто сейчас на Троне расселся, – он, может быть, слегка псих, но отнюдь не идиот. Полная потеря лояльности такой точки, как Юлих, может обернуться для него большими неприятностями. Мы не Север и не Юг, старина, мы – Срединная Пеллия. Вспыхни здесь пожар, искры могут разлететься очень далеко. Так далеко, что и представить страшно.

– Могут, – с некоторой задумчивостью согласился Хадден. – Ситуация сейчас вообще как на качелях. Кому-то война надоела, но все остальные очень недовольны тем, с чем им, возможно, придется остаться.

– То есть с голым задом? – хохотнул Виг. – Ну, еще бы. Сколько лет вкладываться, да еще и дохнуть на поле боя, а потом вдруг до тебя начинает допирать, что все это было напрасно, и сейчас тебе еще хуже, чем раньше. А сколько сброда окажется без гроша в кармане, да на большой дороге? Им-то что делать? Да-а уж, дела. Нет, если честно, я и сам считаю, что в ближайшие годы ничего не закончится. Но именно поэтому Юлих приобретает особое значение. Не только, собственно, Юлих – вся Средина вообще. Без нас столица не устоит. А без столицы Трон покатится по мостовой. И ничто уже не будет иметь значения.

Хадден покачал головой.

– Отличное у тебя мясо, – сообщил он хозяину. – И знаешь, что? Это даже неплохо, что ты прихворнул. И что дождей в ближайшее время не будет – это просто отлично...

* * *

– Утром ты сходишь на рынок, – сказал Арвел Дали. – Рано утром, еще до большого солнца. Оденешься поскромнее, пусть тебя примут за служанку из богатого дома. В углу за мясниками найдешь закуток, где торгуют аптекарские ученики. Купишь у них вот что... – с этими словами он протянул ей маленький листок бумаги, – причем не у одного все сразу, а у нескольких.

– Ты что-то задумал? – подняла бровь девушка. – Ты же говорил, мы здесь не задержимся.

– Мы здесь не задержимся, – кивнул Арвел. – Это я обещаю. А все остальное ты узнаешь потом.

Он встал вскоре после рассвета. Наскоро перекусив и отправив Дали на рынок, Хадден распаковал один из своих вьючных мешков. Из мешка он вытащил сложенный в несколько раз свинцовый прут толщиной с мизинец и кусачки. Потом достал кусок грубой кожи со

следами порезов, а кое-где и огня. Кожу Арвел разложил на большом столе возле окна – придвинув стул, он сел и принялся ловко откусывать от прута небольшие кусочки свинца. Когда их набралось с три десятка, Хадден спрятал остатки прута во вьюк и, порывшись в нем снова, выдернул небольшой мешочек, из которого на стол посыпались мелкие ржавые гвозди.

– Этого вам хватит, – прошептал Арвел.

Он аккуратно высыпал свинцовые обрезки вместе с гвоздями на лист бумаги и сложил его треугольным свертком наподобие тех, что делают для упаковки гороховых пирожков на храмовый праздник.

Когда Дали вернулась с рынка, она застала его у окна жизнерадостно насвистывающим какую-то песенку.

– Как твой поход?

– Я купила все, о чем ты попросил. У трех разных аптекарей. Вряд ли они обратили на меня хоть какое-то внимание... народу там уже было полным-полно. Такое ощущение, что весь этот город только и делает, что лечится от чего-то.

– Сейчас много больных. Весна пришла слишком поздно.

Арвел взял из рук девушки холщовую сумку и осторожно достал из нее несколько пузырьков с какими-то темными жидкостями, две стеклянные колбочки – одна побольше, другая поменьше – и заклеенный бумажный пакет. Затем, осмотрев покупки, он сложил их обратно.

– Ты решил что-то взорвать, – зевнув, усмехнулась девушка.

– Я всегда найду, где что грохнуть, – отозвался инженер. – Ты не выпалась? Иди в постель. Сегодня мы ляжем поздно, так что лучше отоспаться впрок.

– А ты?

– О, я!.. У меня еще полно дел.

Дали, последовав его совету, разделась и легла в постель. Арвел немного посидел еще за столом, шурясь и думая о чем-то, а потом набросил на плечи потрепанную куртку, сунул ноги в ботинки и вышел прочь. Утро было солнечным и заметно более теплым, чем вчера: припозднившаяся весна вдруг ворвалась на остров со всей своей веселой яростью. В кронах деревьев оглушительно вопили птицы, возле подворотен хитро поблескивали глазами жирные городские коты.

По улицам спешили служанки, отправленные господами за разными хозяйственными надобностями, толкали свои ярко размалеванные тележки торговцы, что таскали по городу всякую мелочь на заказ, у раскрытых дверей лавок стояли, улыбаясь теплему солнцу, хозяева в коротких плащах с эмблемами своих цехов.

Арвел смотрел на весенний Юлих с легкой грустью; ему хотелось хоть ненадолго вернуться в свою юность, в ту далекую теперь эпоху, когда старый город был весел и никто не думал ни о какой войне. Он отчаянно пытался вспомнить, каким здесь все было раньше, но получалось у него отчего-то паршиво. Дело было даже не в том, что народу в городе стало заметно меньше, зато появились заколоченные досками лавки и обезлюдели шумные рынки, нет – просто многолетняя война, в которой Юлих старался держать некий, достаточно условный нейтралитет, сейчас ощущалась Арвелом с необыкновенной силой.

Самому ему это казалось немного странным, ведь в городе не было видно ни разрушений, ни следов пожарищ, неизбежных в тех местах, где шли бои, – и все же война нависала над старинным Юлихом, как черное крыло, закрывая собой и солнце и звезды.

Появление в качестве королевского наместника князя Тренка, давно прославившегося своей немыслимой и часто беспричинной жестокостью, было прямым следствием этой войны. Два десятилетия подряд пеллийцы убивали друг друга, и сейчас уже мало кто мог толком объяснить, с чего все началось. Ближе к Югу, там, где грохот войны, то затихаю-

щий, то начинающийся снова, ощущался со всей остротой, лишенная всякого смысла жестокость давно стала нормой. Благородные владетели штурмовали древние крепости, их конница вытаптывала поля, их пехота разносила вдребезги хутора и целые городки. На этой войне инженер Арвел Хадден провел много лет. Он прекрасно понимал, что рано или поздно все это закончится. Города постепенно отстроят заново, и станут они лучше прежних, поля снова засеют рисом и пшеницей – но на целые поколения вперед останутся в Пеллии вражда и ненависть.

Та ненависть, семена которой щедро разбрасывает сейчас в Юлихе королевский наместник.

Несколько часов Арвел бесцельно болтался по городу, и в конце концов ноги вынесли его на ратушную площадь. Здесь он вдруг почувствовал, что крепко проголодался. Грустно улыбаясь, Хадден зашел в таверну «Старый мельник», находящуюся в трехэтажном кирпичном доме прямо напротив ратушной башни с часами: солнце стояло в зените, и ему хотелось оказаться в тени.

– Овощной рулет с жареной курицей, – приказал он молодому разносчику в ослепительно-белом фартуке, – и чашку бульона с кореньями.

Через несколько мгновений круглый дубовый стол оказался застелен скатертью, а на ней появилось блюдо с зелеными колбасками, начиненными кусочками курятины, и эмалевая чаша парящего бульона. Хадден вздохнул: в прежние времена «Мельник» был обиталищем судейских крючков, а эта публика имела привычку требовать особого к себе отношения. Впрочем, драли с них тоже нещадно.

К бульону ему подали свежайшие пшеничные лепешки и чашечку рыбного соуса. Урча от наслаждения, Арвел принялся за еду. В окно, возле которого он уселся, ему были прекрасно видны огромные ратушные часы.

Выпив бульон, Хадден принялся за рулет. Когда до полудня осталась ровно минута, он перестал жевать и, зевнув, глянул в окно, а потом стал рыться в карманах, будто бы отыскивая что-то.

Бо-бомм! – грохнули часы, и от удара, казалось, затряслась вся площадь. Минутная стрелка при ударе скакнула на пол-локтя вправо, а потом вернулась на свое законное место.

– Вот так я и думал, – прошептал Хадден и снова взялся за вилку.

* * *

– Мы вернемся за полночь. Не хотелось бы перебудить весь дом...

Они стояли перед задней дверью, ведущей на двор: немного настороженный Тимбур и Арвел, одетый в длинный балахон с капюшоном, из тех, что на северном берегу носят рыбаки. Рядом ждала Дали, снова одетая мальчишкой, а в руках у нее была холщовая сумка с ремнем через плечо.

– Вот ключ, – понимающе кивнул Тимбур. – Сейчас выйдете через двор, калитка за каретным сараем. Калитку не запирайте – и никто ее не запрет. Там, в переулке, постарайтесь не влететь в недокопанный колодец: начали его год назад, а потом сосед помер, да и бросили. Будьте осторожны: здесь не столица, уличных фонарей у нас до сих пор как не было так и нет.

– Ясно, – ответил Арвел. – Не бойся за нас.

Звезды светили достаточно ярко, так что калитку за сараем он нашел без труда. Оказавшись в переулке, он сразу перебрался на противоположную сторону и махнул рукой своей спутнице.

– Идти нам не слишком далеко.

Юлих уже засыпал, лишь кое-где светились еще слабым светом окна кухонь, в которых доедали поздний ужин обыватели. Таверны и прочие питейные заведения, в прежние

времена шумевшие как минимум до полуночи, теперь закрывались рано, ибо гуляк сильно поубавилось. Некоторую опасность представлял ночной дозор Стражи, но Арвел знал свой город слишком хорошо, чтобы бояться этих увальней.

Они шли быстро и уже через четверть часа свернули, пройдя кривым вонючим переулком, на улицу Шорников, а с нее – к дому господина часовщика. Там Арвел едва слышно стукнул в дверь: тук-ту-дук, и на лестнице сразу же раздались знакомые шаркающие шаги.

– Я готов, – Виг Сидден просочился через дверной проем, осторожно провернул ключ в замке и потом только огляделся по сторонам. – У супруги опять болит голова, так что она приняла снотворный корень и нынче ее из пушки не разбудишь.

– Сочувствую, – вздохнул Арвел. – Первый ребенок часто бывает тяжелым во всех отношениях.

– Будем надеяться... идемте.

Часовщик провел их дворами: пару раз пришлось перелезть через низкие кирпичные заборы, но уже скоро все они вышли к ратушной башне с тыльной стороны, минуя площадь и улицу Шорников, где все еще светились некоторые окна. Нырнув в черную тень вечнозеленых деревьев с правого боку башни, Сидден указал на небольшую дверь, обитую толстым железным листом:

– Вот ход в мое хозяйство. Тут нас даже днем никто не увидит.

С замком он возился недолго. Когда дверь распахнулась, Виг нырнул вовнутрь и достал из висевшей на плече сумки бронзовую масляную лампу с потайным козырьком.

– Лестница крутая, – предупредил он, – так что осторожно...

Лестница и впрямь оказалась крутой и весьма старой – она зигзагом шла вдоль боковой стены башни; дальше, вглубь, начинались кирпичные перегородки, за которыми располагались служебные помещения ратуши, в которых заседали чинуши и представители общины.

– Никогда не думал, что здесь такая странная планировка, – пробормотал Арвел, поднимаясь вслед за Дали.

– Тут вообще много интересного, – гулко отозвался сверху Виг Сидден. – тут еще и подвалы, о которых мало кто знает... когда-то в подвалах держали городскую казну, но однажды их затопило. Воду, конечно, откачали, да больше ими никто не пользовался. А там можно полк упрятать, и ищи его, пока он сам не выйдет. Хорошо хоть, господин наместник об этом не знает, а то конец нам всем до последнего писаря. Вряд ли эта тварь кого-то пощадит, клянусь тебе.

Подъем занял почти пять минут. Лестница закончилась на каменной площадке, в углу которой тусклая лампа высветила какую-то дверь. Сидден достал из кармана большой ключ и отпер замок.

– Здесь мастерская, – сказал он.

Войдя следом за ним, Хадден не увидел, однако сразу ощутил движение огромных шестерен часового механизма: старинные часы, главные часы города Юлиха, располагались прямо перед ним, за тонкой стенкой. Большую часть просторного помещения со сходящейся в шпиль крышей занимали верстаки и станки: токарный, два сверлильных, шлифовальный круг. Приводились они хитроумными механизмами с качающимися педалями. Арвел сразу подошел к одному из верстаков, на котором были закреплены небольшие тиски, и принялся разгружать сумку.

На верстаке появились пузырьки с различными жидкостями, две колбочки, принесенные Дали с рынка, мешочек с гвоздями и рубленным свинцом, потом еще один мешочек, побольше. Последним номером Хадден вытащил небольшой цилиндр из пропитанной лаком бумаги, заделанный с одного конца и слегка сплюснутый.

– А вот защелку, – сказал он Вигу, – мы будем делать здесь.

Часовщик понимающе кивнул. Он разжег еще одну лампу, на сей раз побольше своей потайной, и, поставив ее на верстак, раскрыл высокий шкаф у стены.

– У меня есть отличные латунные заготовки, – сообщил он, – прям как на заказ. Корпусом, как я понял, будет вот это? – и часовщик указал на лаковый цилиндр. – Значит, сделаем обжимку на трубчатых заклепках.

– Ты всегда был славным механиком, – улыбнулся Хадден. – Но сперва я должен посмотреть на стрелку. И Дали, понятное дело, тоже. Где там эта дверца в циферблате?

– Идемте, – повернулся Виг. – Но теперь без света, конечно. Лун еще нет, но звезды сегодня яркие, так что ты увидишь все, что тебе нужно.

Сидден погасил лампу на верстаке – теперь им вполне хватало слабого голубоватого сияния, льющегося из шести высоких окошек в острой ратушной крыше, – и поманил своих друзей туда, где за легкой дощатой перегородкой неумоимо щелкали, отсчитывая секунды, Их Светлость Городские Часы.

Увидев медленно вращающееся сообщество шестерен, валов и уходящих вниз тросов, на которых висели громадные гири, Хадден на миг застыл. Часам этим было около двухсот лет, и создал их знаменитый столичный механик князь Ратмиц. Конструкция, которую он спроектировал, оказалась для своего времени уникальной: приводимые четырьмя гирями, часы требовали подзавода всего лишь раз в две недели; точность их была исключительной, а качество изготовления столь высоким, что ремонтировали их всего лишь несколько раз.

– Да, – прочитав его мысли, самодовольно запыхтел Виг Сидден, – механизм у нас потрясающий. Одна беда – масла уходит сумасшедшее количество. Внизу, на уровне второго этажа, стоит поддон, куда оно стекает. Вычищать его – сушая мука для моего ученика. А не смажешь вовремя – пиши пропало, встанут.

– Для осмотра циферблата вылезает тоже ученик?

– Плечистому там не пролезть. Впрочем, госпожа с этой работой справится. Что до ученика, то можешь не волноваться: так как я болен, он отпросился на хутор к тетке и будет только через три дня.

Громадный, в три человеческих роста, циферблат имел два узких отверстия с тщательно пригнанными дверцами, располагавшиеся на 3 и 9 часах. Виг помог друзьям обойти плоскость большущих шестерен и подвел к правой для них двери. Отодвинув простую щеколду, он потянул дверь на себя и легко сдвинул ее по направляющим в сторону. В весеннем свете тысяч звезд Хадден увидел острые крыши домов и курящиеся над ними дымки. Видеть Юлих с такой высоты ему еще не приходилось, но сейчас это зрелище не волновало его нисколько. Высунув голову в окошко, Арвел посмотрел налево. Там, в полутора сотнях локтей от ратуши, высилась узорчатая желтая колонна храма Секех-на-Холме, одного из древнейших храмов Юлиха. Он еще раз прикинул расстояние и поджал губы. Ошибки в его расчетах быть не могло, уж слишком долго его мучили математикой королевские профессора. Потом Хадден перевел взгляд вниз: минутная стрелка находилась так близко от него, что, высунувшись дальше, он вполне мог дотянуться до нее рукой. Арвел смерил взглядом толщину позолоченного наконечника и быстро влез обратно.

– Смотри, – подтолкнул он в спину Дали. – Высоты, насколько я помню, ты не боишься... Ты должна будешь вылезти буквально на пару секунд, прицепить к наконечнику бомбу и тут же исчезнуть. Стрелка подходит: выбирайся.

Девушка послушно подошла к оконцу, встала на колени и легко просунула в проем свои узкие плечи.

– До наконечника стрелки я достаю с легкостью, – услышал Арвел ее немного напряженный голос. – С этим у меня проблем не будет.

– Понятно, – выдохнул Хадден, – возвращайся: ветер сейчас еще холодный.

Виг показал Дали, как следует открывать дверцу, после чего все трое вернулись в мастерскую.

– Я всегда удивлялся, почему часы не гремят в полночь, – задумчиво произнес Хадден, раскупуривая свои пузырьки с жидкостями.

– Я тоже, – засмеялся часовщик. – На самом деле там очень хитрый кривошип двойного действия, который срабатывает только двенадцать раз в сутки: от шести и до шести. И молот гонга, понятно – тоже. Поэтому ночью часы идут относительно тихо... хотя некоторые нервические дамочки стараются селиться подальше от ратуши. А удар в полдень, из-за которого стрелка чуть не ломает свою ось, приводит еще и второй молот, так что гонг работает во всю мощь.

– Там, как я увидел, скользкая муфта с цапфами, и в отверстия они встают именно тогда, когда надо, – покивал Хадден. – Да, часы, конечно, совершенно гениальные. Впрочем, Ратмиц и был гением. Многие его идеи нам еще только предстоит воплотить в металле...

Бормоча все это, он размешал в стеклянном стаканчике небольшое количество какой-то коричневой жидкости и очень осторожно влил ее в малую из своих колб, а потом, вымыв стакан водой из стоящего возле верстака ведра, принялся за следующую смесь.

– Ох, доиграешься ты когда-нибудь, – буркнул Виг Сидден, принюхиваясь. – Ты решил намотить «драконовы слезы»? Вместе с серым, как я вижу, порохом? Это ж рванет так, что храм зашатается!

– Я никогда не был поклонником Секех, – равнодушно отозвался Арвел. – Так что плевать мне на нее. Но зато, если моя бомбочка перелетит через ограду, от господина наместника не останется даже тряпок.

– Кстати, насчет времени ты уверен? Никто, как я слышал, не видел, как именно он там молится.

– Видели, и многие, – пожал плечами Арвел Хадден. – Завтра – праздник Глаза Секех. Врата храма открываются ровно в полдень, и такой молельщик, как Тренк, неизбежно будет стоять на коленях в саду, ожидая, когда к нему выйдет процессия жрецов с Лунным Цветком. Выйдут они минут через десять – таков порядок, и не меняется он столетиями. Может даже, тысячелетиями... не важно. Пока они будут идти, на головы господина наместника и его присных прилетит моя чудесная игрушка. Вот и все. А впрочем – даже если и пострадает кто невинный, так Секех, если ты помнишь школьный курс истории, когда-то требовала человеческих жертвоприношений. Когда, не вспомнишь? Да не так уж давно, если помнить о Пеллии в целом...

Сидден молча покачал головой. Идея Арвела казалась ему несколько безумной, но за те три года, что он провел рядом с ним на войне, господин часовщик неоднократно имел повод убедиться в одном: безумие его верного друга и товарища – не более чем точный расчет, малопонятный людям, далеким от механики и математики. Хадден взрывал древние крепости, казавшиеся неприступными, строил мосты там, где построить их было почти невозможно, и много раз спасал жизнь солдатам, что сражались рядом с ним.

Пока Хадден готовил смесь для своей бомбы, часовщик ловко изогнул латунную пружину, которая должна была временно закрепить жуткий цилиндр на наконечнике часовой стрелки. Примерив, он зафиксировал готовое изделие на корпусе при помощи трех трубчатых заклепок и отошел в сторону, глядя, как Арвел засыпает в него порох, а потом осторожно помещает туда две запечатанные стеклянные колбы, вставленные одна в другую.

– Да, шарахнет хорошо, – Арвел заклеил цилиндр плотным картонным донцем, положил его в корзину с соломой, что ждала своего часа у верстака, и выдохнул: – Вино-то не забыл?

– Еще бы забыл! – рассмеялся часовщик, доставая из своей сумки увесистую глиняную бутылку. – Кто ж такое забывает?

* * *

К четверти двенадцатого кони уже стояли на небольшом постоялом дворе в одном из северных районов города. От ратуши туда было не более двадцати минут быстрым шагом, а бегом через дворы – так и десять.

Арвел и Дали шли медленно. Дважды они останавливались у лоточников, чтобы выпить по стаканчику фруктовой воды, потом постояли у фасада Общинного театра, рассматривая афиши. Приблизившись к ратушной площади, они шагнули в одну из старых подворотен и – исчезли.

Несколько минут спустя Арвел спрыгнул с низенького полуразрушенного забора, привычно протянул руку девушке и шмыгнул к знакомой двери в стене ратушной башни.

– Время пошло, – сказал он, пряча в карман морской хронометр в медном цилиндре.

Дверь открылась без скрипа. Пропустив вперед Дали, Хадден аккуратно закрыл ее за собой, но замыкать не стал. Девушка прыжками помчалась вверх по лестнице. Вот и вторая дверь: сдерживая готовый вырваться из груди хрип, Хадден отомкнул замок и снова пропустил Дали вперед.

Она уже знала, что ей делать.

Корзина с бомбой стояла перед дверцей; снова глянув на свой хронометр, Арвел махнул рукой. Дали потянула дверцу на себя, сдвинула ее в сторону, схватила снаряд и высунулась на яркий солнечный свет.

– Раз, – считал про себя Хадден, – два...

Дверца чуть слышно щелкнула, становясь на место, корзина с соломой полетела в дальний угол, и начался бег.

– На меня никто не смотрел, – выдохнула девушка, когда они захлопнули за собой дверь в башне.

– Я знаю, что наблюдательная, – всхрипнул Хадден.

Ключи он спрятал в небольшой ямке под вечнозеленым деревом – потом, перемахнув через забор, быстро отряхнулся и повел девушку лабиринтом с детства знакомых дворов, где мальчишкой гонял чужих кур и прятался от воображаемых драконов.

Приказчик на постоялом дворе лениво принял от них монету, и четверка коней быстро двинулась к северному тракту. Качаясь в седле, Хадден неотрывно смотрел на свой хронометр – и вот за спиной у него ударил далекий сухой треск. Ехавшая рядом Дали коротко улыбнулась.

...Поздним вечером в богатую таверну на дороге в порт Вилберн – до самого порта, впрочем, оставалось не более часа пути, вбежал измученный мальчишка в мундирчике королевского гонца.

– Господина наместника Юлиха в храме взорвали! – объявил он с порога.

– В храме? – подскочил со своего высокого стула хозяин, сидевший за стойкой буфета. – Это как же?!

– Сама Секех, говорят... из пушки туда достать никак было, да и пушек никто никаких не видел. От господина князя и не осталось ничего, кровь только, да и родичей его в лапшу посеколо: хоронить нечего. Кому, кроме Секех, такое под силу?

Высокий тощий мужчина в дорогом дорожном платье, сидевший у окна со своим мальчишкой-пажом, скорбно склонил голову и подозвал разносчика:

– Подайте счет, старина. Мне еще ехать и ехать...

– Куда ж вы на ночь глядя? – удивился тот.

– Мне ночные дороги не страшны.

Глеб Соколов

Дебилизоид инженера Гагарина

Изучая исподтишка товарищей по работе (это происходило перед первым пробным использованием дебилизоида), я приходил к выводу, что даже самый мощный аппарат конструкции Гагарина против них бессилён.

Их невозможно сделать олигофренами и дебилами, ибо они и так, практически, являлись ими.

Из воспоминаний жертвы аппарата

1

Больной бросил на блюдечко перед кассиршей девять металлических десятирублевков и преспокойненько вернулся к своему столику, где начал пережевывать котлеты.

Тут же в столовой начался ажиотаж – сотрудники смели с противня все «надувные» котлеты и принялись сочинять для них всевозможные диетические начинки, комбинируя в основном кисель и салаты. Тридцать шесть секунд специальной акции к тому моменту, разумеется, закончились, и сотрудникам управления пришлось оплачивать надувные котлетки с начинкой по полной стоимости. А стоимость эта включала в себя полную цену котлеты (причем не «надувной», а по прейскуранту, то есть нормальной, с полным вложением мяса), полную стоимость той миски салата или стакана киселя, из которого была взята «начинка». Кассирша столовой только успевала принимать деньги. Но очередь из сотрудников продолжала расти.

По всему институту разнеслась информация, что в столовую завезли какие-то особо целебные котлетки. Их мало, поэтому может на всех не хватить. Все, кто в этот момент был свободен от каких-то особо срочных дел и дорожил здоровьем, спустились в столовую.

Очень скоро «надувные» котлеты и в самом деле кончились – их было изжарено всего три противня...

Столовая находилась на третьем этаже здания управления. Туда Гагарин направлял луч своего ужасного аппарата неоднократно. Но в тот же момент странные события стали происходить поблизости от работающего дебилизоида. Там, где, казалось бы, безумному инженеру было выгодно сохранять «оазис» здравого смысла и спокойствия. Ведь в противном случае возникала вероятность того, что кто-нибудь, свихнувшись, помешает работе самого инженера.

Именно так в конце концов и получилось...

Да, именно так! Когда я вызываю из памяти все эти картины, начинает казаться, что я опять вернулся в прошлое, где-то поблизости работает дебилизоид инженера Гагарина, его луч вот-вот пройдет по тому месту, где я сейчас стою...

Стоп! Вы же не знаете, что такое дебилизоид!.. Хотя... Вы же сами сказали, что только недавно уволились из Центрального статистического управления. А там вы проработали чуть ли не целый десяток лет. Что? Больше?! Да какое это имеет значение!

Главное, в тот день вы были там. Значит, помните этот моментик.

2

Вы помните, как двери некоторых комнат – видимо, тех, где под потолком располагались громкоговорители, – стали открываться. Оттуда выходили люди. Они были кто с чем – с портфелями, с сумками на ремне, перекинутом через плечо, с целлофановыми пакетами.

Встретившись в коридоре, сотрудники из разных комнат обменивались короткими фразами:

– Самоликвидация?

– Нет, вы что?! Какая самоликвидация? Самороспуск!

– Конечно, самороспуск. Только на сегодня – на официальный день отъезда на дачи.

А в понедельник все будет, как прежде.

– Отлично! Едем домой!

Тем временем в гараже управления, который располагался в маленькой пристройке к зданию, происходили не менее интересные события.

Один из водителей – именно он возил директора и считался в здешнем шоферском коллективе старшим – едва из репродукторов, укрепленных под потолком гаража, перестало звучать объявление о самороспуске, побежал во двор. Там стояла его личная автомашинка отечественного производства. Запустив двигатель, подъехал к широким гаражным воротам. Открыв их, заехал внутрь и поставил свое авто рядом с директорским автомобилем.

Директор же в этот момент с целью как можно скорее попасть домой симулировал на проезжей части перед институтом приступ бронхиальной астмы. Он падал на асфальт перед автомобилями, медленно двигавшимися по узкому, забитому транспортом переулку, перекачиваясь с боку на бок и кашлял, царапая ногтями себе горло и грудь. Так в его представлении выглядело сильное удушье. По плану директора, прохожие – многие из них были сотрудниками руководимого им управления – а также водители автомашин должны были вызвать ему «Скорую помощь». От врачей же он намеревался потребовать, чтобы они отвезли его именно в ту больницу, которая располагалась рядом с его домом. «Возле больницы я попрошу остановать машину. Скажу, что мне стало лучше. Выйду и спокойненько пройду пешочком несколько шагов, остающиеся до дома. Конечно, хлопотно и приходится валяться вот здесь вот на проезжей части... Чуть ли не под колесами машин... Зато в случае успеха я прокачусь через все пятничные дикие предачные пробки с ветерком и мигалкой – где по встречной полосе, где на красный сигнал светофора. «Скорую помощь» все пропускают. А если бы я сейчас поехал на своей машине с персональным шофером, я бы, наверное, прикатил домой никак не раньше полуночи. Пробки-то кругом – чудовищные», – думал, катаясь по асфальту, сраженный лучом дебилизоида директор Центрального статистического управления.

«А если они откажутся выпускать меня из кареты «Скорой», то я буду симулировать приступ сильной рвоты и поноса – тогда-то они точно вынуждены будут выпустить меня из машины, чтобы я им там все не перепачкал», – проносилось в голове директора...

...Что? Вы не были там? Тогда вам слишком многое непонятно. Я должен поскорее объяснить вам... С чего же начать...

Это был только один из множества моментов того памятного дня, когда инженер Гагарин испытывал свой зловещный прибор – дебилизойд. А с этим дебилизойдом все началось в один осенний день...

Мой друг Упыркин сообщил невероятную новость. Некий его приятель, с которым он не виделся много лет, – инженер Гагарин, – изобрел техническое устройство невероятной, былинной силы. Прибор получил название дебилизойда...

3

Дебилизоид – звучало как анекдот. Однако устройство существовало в реальности. Оно оказывало мощнейшее воздействие на сознание человека, оглупляя его до неузнаваемости.

Упыркин обещал познакомить меня со своим инженером. Тот, как очень туманно намекал мне мой приятель, сам хочет этого.

«Пусть хочет, – думал я. – Мне-то что!.. В конце концов, встреча и знакомство с Гагариным будет для меня интересным впечатлением».

Я, правда, не совсем понимал, зачем я понадобился этому загадочному инженеру...

4

...Можно ли сбежать из отделения полиции, в котором куча народа, в котором крепкие двери с мощными надежными петлями, замки с большими ключами, полицейские-охранники с автоматами, двери и решетки, надежно отделяющие свободу от несвободы? Можно ли из всего этого просто взять и испариться?

В то время, когда происходили те события, о которых я здесь рассказываю, этот вопрос задавали себе все газеты, его непрерывно повторяли на всех радиостанциях и крутили бы, наверное, по всем телеканалам, если бы время там не было занято телесериалами, в которых таким фантастическим моментам не было места.

Но было им место в жизни.

Из одного отделения сбежал уголовный авторитет Замордуй, и никто не мог понять, как это произошло.

5

Все полагали, что преступная группировка, которой руководил сбежавший вор в законе, подкупила все отделение полиции. Или уж, по крайней мере, значительное количество его сотрудников – тех, которые оказались в злополучный день на службе.

Начальник отделения был снят со своей должности. Узнав об этом, он пришел домой и пытался повеситься.

Но неудачно. Его грузное тело сорвалось с крюка в потолке, предназначенного для люстры, к которому он приделал скрученную простыню. Удар об пол, когда он на него свалился, был такой силы, что у соседей внизу осыпалась с потолка штукатурка и отвалилась полка на кухне. Грохот от упавшей полки был такой, что соседи через квартиру вниз от квартиры полицейского позвонили «в полицию». А поскольку они дружили с начальником отделения, то «позвонить в полицию» означало позвонить ему.

Он взял трубку и сказал: «Да, я все понял. Сейчас я к вам прилечу!» Звонившие решили, что это означает, что он сейчас быстро к ним спустится. Но через несколько минут они увидели полицейского, пролетавшего вниз мимо их окна – он выбросился со своего шестого этажа. Это произошло шестого числа шестого месяца в шесть часов вечера.

Жена начальника полиции была родственницей Упыркина. Она заклинала моего друга найти истинных виновников бегства вора в законе и установить таким образом справедливость в деле ее безвинно и мученически погибшего мужа – полицейского начальника.

Вместе с Упыркиным – на общественных началах – расследованием занимался один из сотрудников отделения полиции.

6

Однажды Упыркин позвонил мне рано утром. Было без чего-то девять. Я как раз вышел из метро и направлялся к офису.

Взволнованным голосом мой друг предложил мне встретиться с инженером сегодня вечером.

Я без колебаний согласился.

Уже с обеденного перерыва – с двух часов дня – я сгорал от нетерпения.

Упыркин, так же как и я, работал до шести вечера. Их маленькая конторка арендовала две смежные комнатки в офисном центре неподалеку от нашего. Ровно пятнадцать минут – столько занимала дорога от одного здания до другого.

В шесть пятнадцать мой приятель подошел к подъезду офиса, в котором я работал. Отсюда мы должны были отправиться к инженеру домой.

– Мы должны навестить его, чтобы своими глазами убедиться в реальности работы дебилизоида, – говорил Упыркин. – Честно говоря, до сих пор не уверен в том, что Гагарин не выдумал всю эту историю про аппарат.

Через тридцать минут пешей прогулки мы оказались в самом центре города, возле старых ржавых гаражей.

Было даже удивительно, что на клочке земли неподалеку от «золотой мили» – участка в центре Москвы с самой дорогой и престижной недвижимостью – смогли уцелеть эти убогие приземистые строения. В одном из них, тесном и узком, инженер мог находиться только пригнув голову.

Здесь и располагалась «экспериментальная мастерская». В ней Гагарин работал над дебилизойдом.

Усевшись на пустой деревянный ящик из-под овощей, инженер заговорил. Его фигура выглядела зловещей в узенькой полоске света, проникавшей в гараж через приоткрытую створку двери.

Гагарин обращался к нам обоим. Причем со мной он говорил так же, как с Упыркиным – как будто видел меня не впервые, а знал уже много лет и не сомневался, что все предложения будут восприняты мною с интересом.

Инженер предложил нам войти в «дело». Ему нужны помощники. Нет, научная и конструкторская работа были ему по силам и без сообщников. Но вот проводить испытания дебилизоида, добывать материалы для его создания, готовить «акции» с применением дебилизоида – все это невозможно осуществить в одиночку...

Гагарин был человеком замкнутым. По словам Упыркина, желчный характер инженера не позволял ему иметь с людьми долгие отношения. Любая дружба скоро переходила во вражду. Лишь с Упыркиным, человеком мягким, готовым ради «дружбы» соглашаться со всем, что говорил собеседник, Гагарин поддерживал отношения. Они не разрушались, несмотря на то что начались давно.

Именно к Упыркину инженер обратился, когда почувствовал: самому ему со всеми задачами, которые возникли перед ним во время работы над дебилизойдом, не справиться. И попросил давнего приятеля привести еще какого-нибудь «проверенного» знакомого.

Да, вот именно с этого моментика, с этого дня все и началось.

7

Эх, каково оно там было! Как сильны были те ощущения, которые преподнес нам в тот день инженер с помощью своего дебилизоида!

Удары чудовищных лучей, нанося которые Гагарин изливал весь накопившийся у него запас ненависти к человечеству, прошлись почти по всем этажам и подразделениям Центрального статистического управления.

В столовой были отмечены попытки поваров увеличить размер котлет (и тем самым получить возможность недовложить в них мясной фарш) путем накачки маленьких котлеток до размеров больших с помощью велосипедного насоса. Повара, занимавшиеся по примеру одного коллеги такой «накачкой», были намерены создать одну из самых совершенных систем обмана покупателей. При ней с виду очень большая котлета требовала для своего изготовления очень небольшого количества мясного фарша, поскольку внутри нее была огромная воздушная пустота.

Можно было подумать, что подобные противозаконные задумки поваров из столовой управления тут же закончатся скандалом. Вовсе нет! Обнаружив крупные пустоты в котлетах, которые в этот день особенно энергично нахваливала кассирша столовой, сотрудники управления кинулись покупать в столовой всевозможные кушанья, которые можно было бы использовать в качестве начинки для пустот. Идею эту – она была тут же подхвачена всеми, кто находился в тот момент в столовой, – подал один сотрудник управления.

Как раз в этот день он пришел для того, чтобы принести очередной больничный лист в отдел кадров. Но никого там не застал и направился в столовую, чтобы пообедать. То ли где-то по дороге от отдела кадров до столовой, то ли уже в самом зале этого общепитовского заведения по нему полоснул луч дебилизоида.

8

В столовке больной сотрудник повел себя странно. На нем был коричневый костюм и белая рубашка – сев за столик в углу, он стащил с себя пиджак и кое-как обмотал его вокруг головы. Когда одна сотрудница управления, которая работала с ним в отделе и как раз в тот момент оказалась в столовой, спросила его, зачем он это делает, больной ответил, что после того, как он пришел на работу, ему стало значительно хуже: разболелась голова. Теперь этой части его организма необходимо тепло. Пожав плечами, сотрудница отошла от него и села за другой столик. Больной же некоторое время созерцал то, что происходило в столовой, а затем резко встал со стула и подскочил к прилавку, на котором лежали готовые кушанья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.